эксперты
паранормальных
явлений
18+
макс гордон

Макс Гордон
Эксперты паранормальных явлений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71238016
SelfPub; 2024

Аннотация

Когда на чердаке старого дома скрипят доски, будто по ним кто-то осторожно ступает, когда из подвала доносятся неясные стоны, словно души усопших пытаются вырваться из мрачных глубин. Когда посуда на кухне сама собой начинает двигаться, а одежда вылетает из шкафов – кому вы позвоните?

Нет, это не шутка и не пересказ известного фильма. Мы, пятеро романтиков во главе с седовласым профессором Семенихиным, вооруженные высококлассной техникой, выезжаем туда, где творится необъяснимое.

Роман – финалист премии Электронная буква 2021 – Спецноминация, был представлен на международной книжной выставке в составе Евразийской Творческой Гильдии – Лондон.

Рушится мир и исчезают границы реальности, стены собственного дома больше не гарантируют безопасность, а вокруг исчезают люди. Воинство Святого Престола, древний орден алхимиков и темных магов, команды по изучению

паранормальной активности, работающие в разных странах мира, – чью сторону выберешь ты?

Содержание

Глава 1. Все началось с неудачи 5
Глава 2. Охотники за привидениями. Начало 31
Глава 3. Сейчас 42
Глава 4. Профессор 91
Конец ознакомительного фрагмента. 154

Макс Гордон
Эксперты паранормальных явлений

Глава 1. Все началось с неудачи

Я не понял, что меня разбудило, как будто кто-то щелкнул выключателем в моей голове. Сон, который так и не успел запомнить, разбился на фрагменты, которые тут же разлетелись и перемешались. Я лежал в темноте, пытаясь удержать в голове оставшиеся обрывки чего-то доброго и хорошего.

Впрочем, это было бессмысленно, сон растаял и испарился, а вместо него появилось чувство тревоги. Оно зародилось где-то в глубине моего сознания и быстро начало нарастать, пока полностью не овладело мной, подобно катящемуся снежному кому.

Какое-то время я пытался с этим бороться, но потом бросил эти попытки – какой смысл бороться с неизбежным? Сев на раскладушке, я опустил ноги на пол, пытаясь в темноте нащупать тапочки. Сердце в груди только начинало набирать обороты, я чувствовал приближение чего-то огромного, темного и могучего.

Наконец, я попал ногой в один тапок и стал шарить по по-

лу в поисках второго. В комнате было тихо, наручные часы показывали половину второго ночи. Пытаясь отогнать дезориентацию в пространстве, которая всегда сопровождает меня на новом месте, я стал всматриваться в темноту. Стул, на который вечером повесил брюки и рубашку, стоял на расстоянии вытянутой руки. Дотянувшись до него, я принялся одеваться.

Пальцы застегивали непослушные пуговицы на рубашке, а мозг анализировал и соображал, и наконец понял, что его разбудило. Самое худшее только приближалось, в этом я не сомневался, но что-то было не так уже прямо сейчас. Кого-то не хватало. Я всегда мог безошибочно определить присутствие людей в помещении, даже если передо мной была квартира с запертой дверью.

Этой ночью мы спали на первом этаже, в небольшом трехэтажном коттедже, расположенном недалеко от центра города, и вместе с хозяином дома нас было пятеро.

Предстоящее утро должно было стать третьим днем нашего пребывания в этом доме, в который мы приехали по приглашению хозяина – невысокого, но крепко сбитого мужчину средних лет с бандитским лицом и тяжелой золотой цепью, без которой я его ни разу не видел. Он переехал сюда недавно вместе с семьей, которую у него хватило ума, после череды таинственных и страшных событий, отправить в санаторий – лишь бы держались подальше от дома.

Сам же Александр – как он представился нам по приез-

ду – остался в доме, и я его понимал. В наш город он переехал с севера, и иного жилья, кроме этого коттеджа, у него не имелось. А раз так, проблему нужно решать. Глядя на Александра, я не сомневался, что проблемы решать он умеет… но только не такие.

Он рассказал, что уже на вторую ночь в новом доме, за который заплатил кругленькую сумму, начали происходить странные события. Все началось с неадекватного поведения его сыновей, мальчишки на новом месте стали проявлять необычную агрессивность.

Близнецам по двенадцать, – рассказывал хозяин дома, – и раньше они никогда не дрались друг с другом. Бывало. конечно, что потолкаются, пошумят, как и большинство других братьев, но до настоящей драки никогда не доходило. А тут, как прорвало – каждый день за что-нибудь друг друга колошматят. А потом и того хлеще, они стали просыпаться в кресле, которое стоит на втором этаже. То один, то другой. Ложатся спать в своей комнате, мы все на первом этаже спим, третий этаж еще не доделан и на втором грязно… так вот, ложатся спать в своей комнате, в своих кроватях, а просыпаются в старом кресле, которое стоит на втором этаже напротив шкафа или комода, чего оно там…

Александр сперва думал, что это вздор. Новый город, новый дом. У них на старом месте все друзья остались, а теперь даже часовые пояса разные. В общем, думал, что само пройдет, только подождать нужно, но тут с дочерью нелад-

ное твориться начало.

Девочке почти пятнадцать, она постарше близнецов. Каждую ночь просыпается, и к родителям в комнату прибегает в слезах. Спрашивают – что случилось? – говорит, что не знает, а сама рыдает навзрыд.

Но перевезти их отсюда Александр решил, когда с ним самим случилось такое, чего он так и не смог понять. Вот что я запомнил с его слов, когда он, подбирая выражения, рассказывал нам о положении дел:

– На прошлой неделе, значит, это было. Проснулся ночью, я вообще сплю крепко. Как до подушки доберусь, так до утра и сплю. А как переехали, стал часто просыпаться. Пустяки, наверное, просто не привык на новом месте. Ну так вот, проснулся я, лежу и в потолок смотрю. Потом шум какой-то снизу послышался. Я в опасном городе вырос, с опасными друзьями, и в таких делах крайне осторожен – окна и двери на ночь всегда запираю. Сигнализацию, правда, пока не установил, но думаю поставить. В общем, не пойму откуда шум идет -неужели дверь или окно забыл закрыть? На меня не похоже, но решил сходить и проверить. Зашел на кухню, она возле входной двери вместо прихожей – на кухне никого. Налил воду из крана, выпил, решил идти обратно спать, но тут сверху – со второго этажа – шум раздался. Думаю – да что такое?! Стал по лестнице подниматься на второй этаж, а сам спать хочу, на ходу глаза закрываются. Два шага по ступенькам сделал, и тут кто-то сверху сбежал. Толкнул в плечо, я

еле на ногах удержался, и вниз побежал – в гараж…он у меня внизу под домом. Я, естественно, сразу проснулся. Побежал за курткой, там во внутреннем кармане пистолет пристроен. Схватил его, и вниз по лестнице, следом за неизвестным. Кто он – разглядеть не успел. Спустился, полчаса в гараже лазил, каждый угол ощупал – никого не нашел. В постель вернулся уже под утро, а там свет горит, дочь пришла в спальню и снова плачет. На этот раз температура у нее, горло болит и дышать тяжело. Я хотел на кухню за таблетками сходить, но тут на шею глянул, а там следы от пальцев, как будто душили ее. У меня внутри все похолодело… В общем, на следующий день я им путевку купил и в санаторий отправил, пусть там отдохнут, – подытожил Александр.

Но нас он пригласил в свой дом немного позже, это случилось после странных снов. На следующую ночь, как свою семью в санаторий отправил, ему приснилось, что ночью он выбреется из стенного шкафа, который расположен на втором этаже.

Вылез, осмотрелся и полетел по комнате – не пошел, не побежал, а именно полетел! Залетел на третий этаж, где недостроенная игровая комната, полетал там, расшвырял инструмент, а потом спустился на первый этаж.

Там на кухню… зачем-то стакан со стола на пол скинул, тот упал и разлетелся на куски. Все вещи с вешалки на пол сбросил, но самое странное во сне – то, что он залетел в спальню и увидел себя спящим на диване. Как же он в тот

момент выразился, когда рассказывал, как увидел себя со стороны…, – такая веселая ярость охватила, захотелось на себя спящего что-нибудь тяжелое уронить.

А потом пришла мысль, – если ОН на диване спит, кто же тогда другой ОН, который по комнате летает? Подлетел к зеркалу, чтобы отражение увидеть, и в этот момент проснулся. Утром прошелся по дому, на третьем этаже инструмент по всему полу разбросан. Когда падал, наверное, такой грохот стоял… странно, что не разбудил ночью. На первом этаже вся одежда на полу валяется, а на кухне стакан разбитый. Все, как было во сне!

А на вторую ночь Александр проснулся от собственного крика. Только проснулся не в своей кровати, а сидящем в старом кресле на втором этаже, напротив того самого комода, который частично в стену вмонтирован. Проснулся, и понял – нужно что-то предпринять! На следующий день, ближе к вечеру, в его коттедже появились мы.

Мы приехали вчетвером. Кто мы? О нас я расскажу чуть позже. Приехав, мы сразу установили оборудование, руководил процессом, как всегда, профессор. Честно говоря, руководить у Михаила Александровича выходило слабо, он не ограничивался словами и жестами. Говорил, показывал и за все хватался сам. Естественно, что мы – остальные члены команды – старались опередить его, а быстрота требуется при ловле блох, в установке и настройке серьезной аппаратуры она совершенно неприемлема.

Впрочем, серьезной аппаратуры у нас пока нет. Две дорогие цифровые камеры с возможностью ночной съемки, два цифровых любительских фотоаппарата с хорошими объективами, несколько диктофонов, пара цифровых термометров, цифровой мультиметр с возможностью измерения магнитного поля – усовершенствованный Игорем, несколько обычных компасов, несколько недорогих беспроводных камер, два ноутбука и два комплекта дорогой «радионяни», чувствительной к звуку.

Пятеро романтиков во главе с седовласым профессором и нехитрое оборудование, а называем себя – «Охотниками за привидениями». Почему? – об этом я тоже чуть позже расскажу.

В этот раз Антон с нами не поехал, да и незачем было на такое задание всем вместе выезжать. Нас тут и четверых-то много было. Игорь, наш специалист по электронике, установил на втором этаже два компаса – один возле лестницы, второй рядом с тем самым шкафом, о котором нам рассказывал хозяин дома.

Костя, возвышавшийся за плечом Игоря, должен был установить беспроводные камеры, чтобы они в реальном времени снимали показания компасов и термометров. Он постоянно ворчал на Игорька, что тот нарочно крепит компасы так, чтобы на них было сложнее нацелить камеры.

Михаил Александрович ходил по дому с рулеткой и блокнотом, карманный диктофон, закрепленный у профессора

на плече, придавал ему сходство с морским пиратом. Время от времени он что-то замерял рулеткой, помечал в блокноте и нашептывал в диктофон. От нечего делать я таскался по дому за профессором, помогая ему с рулеткой. Дугой работы для меня не нашлось.

Этой ночью мы все спали на кухне. Александр храпел, развалившись на широком кухонном диване. Рядом с ним примостилась раскладушка профессора. Посередине кухни стоял большой дубовый стол, за которым выстроились в ряд три раскладушки: моя, Игоря и Кости. Не знаю, как спали остальные ребята, но я долго не мог заснуть.

Той ночью состоялся мой первый опыт работы в команде охотников за призраками, я и не подозревал, что когда-нибудь окажусь в таком месте и с такими людьми. И уж тем более не представлял, что все будет происходить так некомфортно.

Дом хвастал множеством комнат. Даже если не брать в расчет третий этаж, который так и остался недостроенным, можно было расположиться по два человека на комнату, что на мой взгляд было гораздо комфортней, чем спать впятером в одном помещении, слушая скрип соседних пружин и пытаясь при этом самому не скрипеть раскладушкой.

Но профессор настоял на том, что безопасность превыше комфорта. Человек слаб, и больше всего уязвим и беззащитен во время сна, а значит, спать мы будем все вместе – так безопасней, решил профессор. Кухня была выбрана тоже не

случайно. Она располагалась рядом со входной дверью, а это означало, что в случае чего мы могли быстро и беспрепятственно покинуть дом.

В случае «чего именно» – профессор не уточнил, он был старшим в нашей команде, вопросов ему никто задавать не стал, тем более я. В общем, первую ночь я спал плохо. Старался лишний раз не ворочаться, чтобы не разбудить соседей скрипением раскладушки, и завидовал черной завистью Михаилу Александровичу и Александру, которые храпели по другую сторону кухонного стола.

В первую ночь, перед тем как лечь спать, профессор спросил меня, – чувствую ли я что-нибудь? Он опять-таки не уточнил – что именно я должен чувствовать. Я долго прислушивался к себе и к дому, пытаясь не думать, как глупо его вопрос и мое молчание выглядят со стороны, и ответил, что ничего не чувствую.

Честно говоря, я тогда и понятия не имел, как и что должен был почувствовать. Не считая бессонной ночи, первый день нашего пребывания в доме был совершенно обычным. Но на третью ночь я ощутил….

Застегивая непослушными пальцами пуговицы на рубашке, я пытался понять – что именно чувствую, но так и не смог подобрать подходящего определения. Надвигалась что-то большое и злобное. Я не чувствовал где оно концентрируется, но в том, что это ЧТО-ТО уже рядом, был полностью уверен.

Где-то в глубине моего сознания на мгновенье всплыл образ тучи, нависшей над головой, и я наконец понял, что представляю в своем подсознании. Это была СТИХИЯ, безжалостная и неминуемая, мы казались жалкими и беззащитными людишками, осмелившимися встать у нее на пути. Нужно предупредить остальных членов команды и срочно выбираться из аномального дома.

Я огляделся. Было темно, но в комнате что-то изменилось, кого-то не хватало. Я это чувствовал. В темноте мне удалось разглядеть большой обеденный стол, стоявший посередине кухни – на нем с вечера оставили два ноутбука, которые должны были записывать видео с камер, установленных на втором этаж.

Подойдя к ноутбуку, я наугад постучал по клавиатуре, чтобы вывести его из спящего режима. Засветился дисплей и в комнате стало немного светлее. Я огляделся. Позади меня на своей раскладушке Игорь приподнял голову, опершись на локоть. Сонным он не выглядел, видимо он тоже не спал.

– Что случилось? – спросил он.

– Нужно срочно уходить!

Я не стал вдаваться в подробности – на это не было времени – да и объяснить, что происходит, я не мог. Просто чувствовал, что из дома нужно бежать. Немедленно.

Игорь дотянулся до соседней раскладушки и потряс Костю за плечо, – просыпайся, опасность!

Костик тер глаз, как обычно бывает после крепкого сна,

но спрашивать ни о чем не стал. Оставив ребят одеваться, я обогнул стол и пошел будить остальных.

Развалившись на большом кухонном диване, богатырским сном храпел Александр, а вот раскладушка профессора оказалась пустой – предчувствие не подвело. Рядом со мной остановился Костя, я не оборачивался, но был уверен, что это он. Эта ночь, по-настоящему раскрыла мои таланты, но понял это не сразу, на осознание простой истины мне понадобилась не одна неделя.

Игорь первым добрался до выключателя, раздался щелчок, и кухню залил яркий свет. Свет казался настолько ярким, что все невольно зажмурились, обычная лампочка не могла так светить. От этого света проснулся и Александр, он повернулся на бок и прикрыл ладонью глаза. Я успел рассмотреть его тяжелую золотую цепь и богатырские плечи, после чего лампочка не выдержала и с треском взорвалась.

Куски стекла осыпали мои волосы, а комнату поглотила темнота. Какое-то время после яркого света я не мог ничего разглядеть, но почувствовал внезапный холод и давящую тишину. Все замерли. Было слышно жужжание ноутбука и тиканье часов, отбивающих время на втором этаже.

Недалеко от нас хлопнула дверь и в тишине послышались шаркающие шаги. Мы замерли, прислушиваясь к шагам, а они медленно приближались. Шаги остановились возле кухонной двери, затем щелкнул дверной замок и мне в глаза ударил луч света.

Свет был не такой яркий, как ранее, но все равно заставил меня сощуриться. Потом луч света уперся в пол, и мы увидели Михаила Александровича, стоящего в дверном проеме с фонариком в руках.

– Прошу прощения, я в туалет отходил, – с порога пояснил профессор. – А что случилось? Кажется, свет погас?

Мы стояли и смотрели друг на друга, при дыхании у каждого изо рта вырывались маленькие облака пара. Молчание прервал звон бьющегося стекла, раздавшийся где-то на втором этаже дома.

– Началось, да Максим? – обратился ко мне Михаил Александрович. – Ну что ж, пойдемте, посмотрим, что там происходит.

Я хотел остановить его, хотел крикнуть, что наверх подниматься нельзя, там тучи, там СТИХИЯ… нечто огромное, бесформенное, злобное и непредсказуемое. Но вместо этого, промолчал. Мы включили карманные фонари и, ежась от холода, стали подниматься на второй этаж.

Михаил Александрович шел первым, бодро шагая по ступеням лестницы, за ним шли Костя с Игорем. Я поднимался следом за Александром, который так и остался в майке и трусах, и судя по всему, был единственным, кто не чувствовал холод. Из его правого кулака торчало толстое дуло черного пистолета, рукоять которого скрывала широкая ладонь, – «он его под подушкой держит?» Хотя, если вспомнить что он рассказывал, удивляться не приходилось…

Когда я миновал середину лестницы, снова послышался звон бьющегося стекла. На этот раз он раздался с первого этажа, после чего громко хлопнула дверь, и по первому этажу дома, судя по звуку, протащили что-то большое и очень тяжелое.

Не дойдя до конца лестницы, Александр развернулся и стал спускаться обратно. Его широченные плечи перекрывали всю ширину лестничного проема, глаза заполняла решимость. Глядя на него снизу-вверх, мне не оставалось ничего другого, как спускаться вниз, топая по ступеням впереди него.

Спустившись вниз, я сделал несколько шагов в сторону, чтобы освободить дорогу хозяину дома. Все-таки в его руках был пистолет, не говоря уже про прочие габариты.

Пока я стоял внизу, дожидаясь, когда спустится Александр, мне снова вспомнился вчерашний день. Не найдя ничего и не обнаружив никаких изменений в работе приборов, было принято совместное решение разобрать злополучный шкаф, вмонтированный в стену. Выслушав слова хозяина дома, профессор сделал вывод, что причина всех странных явлений, происходящих в доме, кроется непосредственно в этом шкафу.

Мы внимательно изучили шкаф, добросовестно простучав все его стенки. В дневном свете он выглядел самым обыкновенным шкафом. Никаких надписей, рисунков, тайников и прочего, что могло бы послужить причиной всех

странностей, мы не обнаружили.

Это был обыкновенный, крепко сколоченный дубовый шкаф, покрытый пылью и красным лаком. Александр пояснил, что шкаф остался от предыдущих хозяев, и ни каких теплых чувств к нему он не питает, после чего молча принес инструменты – мол надо, так разбирайте!

Ребята так себе орудовали молотком. Костя, попав в третий раз по одному пальцу, сказал, что эта работа должна достаться Пухлому, который, почему-то, не приехал с остальными. Игорь пояснил, сдерживая смех, что Пухлым «за спиной» называют Антона, который действительно халтурит в качестве сборщика мебели.

В общем, аккуратно демонтировать шкаф, как Михаил Александрович обещал Александру, нам не удалось. Скорей всего после нашей разборки шкаф можно было пристроить, разве что на свалку.

Внутреннее чутье подсказывало, что нарушать целостность дома не лучшая идея, я знал, что этого делать нельзя. Знал, но снова промолчал. Только после случившегося я понял, что молчание бывает хуже преступления…

Спустившись с лестницы, Александр зашагал в сторону кухни, мне тоже показалось, что недавний грохот доносился именно оттуда. Распахнув плечом кухонную дверь с такой силой, что та едва удержалась на петлях, он влетел в комнату и остановился, оглядываясь по сторонам.

Его широкие плечи закрывали весь дверной проем, но по-

верх бритой головы я заметил, что большой кухонный стол, стоявший ранее на середине комнаты, теперь придвинут ко входной двери и одна его ножка сильно подогнута. Александр крутился на месте, поочередно освещая фонарем все углы просторного помещения и пыхтя, как паровоз, но кроме нас в комнате больше никого не было.

Наверху загрохотало, и кто-то из ребят забористо выругался. Мы уже разворачивались, чтобы подняться к остальным наверх, когда кухонная дверь, попытавшись захлопнуться, с силой ударила в плечо Александра. От удара на пол шмякнулся солидный кусок штукатурки.

Саша сморщился от боли, и вновь стал оглядывать кухню, светя фонариком. Я посмотрел в его лицо – в руках пистолет, в глазах решимость – и прочитав его взгляд, понял, что точно бы не хотел оказаться на месте виновника беспорядка.

А на кухне, тем временем, начинало твориться что-то невообразимое. Стакан, стоявший на краю стола, разлетелся вдребезги, рядом со столом опрокинулся массивный табурет. Александр повел туда лучом фонаря и поднял оружие. Но стрелять было не в кого, кроме нас в кухне по-прежнему не было живого и видимого противника.

Резкий скрип открытого крана заставил нас повернуться к мойке. Из крана с шипением полилась вода, пулеметной очередью застучала лежащая возле плиты пьезозажигалка, в посудомоечной машине зазвенели стаканы.

Дверца шкафа, висевшего над плитой, с треском расколо-

лась на две половины, одна из которых взорвалась изнутри, и в нас шрапнелью полетели щепки. Большая часть из них попала в Александра, стоявшего впереди, но все равно несколько мелких щепок впились мне в подбородок и ладонь, которой я пытался защитить лицо. От резкой боли из глаз брызнули слезы.

У стола, покосившегося на один бок, с хрустом переломило вторую ножку, и он, оставляя отметины на оштукатуренной стене, с неприятным скрипом завалился на бок. На потолке что-то звякнуло, и большая люстра на восемь рожжков со звоном упала на пол.

Судя по громким крикам моих товарищей, на втором этаже тоже что-то происходило… Кто-то из ребят непрерывно кричал, требуя отойти или вернуться на кухню. Я растерялся и не понимал, что происходит. Наверное, я бы бросился на улицу через окно или входную дверь, если бы не Александр, который по-прежнему был решителен и не трусил.

А в доме уже слышалось завывание ветра, какое случается при сильном сквозняке, вот только никакого сквозняка я не чувствовал. Завывание усилилось. Мне показалось, что временами в нем слышится бормотание и короткие обрывки фраз.

Все стихло резко и внезапно, грохот смолк и комнату заполнила абсолютная тишина. В этой тишине не существовало ни единого звука. Перестали хрустеть осколки люстры под ногами у Александра, капля воды, сорвавшаяся с крана, так

и не долетела до раковины, не было слышна тиканья часов.

Вентилятор ноутбука, который каким-то чудом уцелел после падения с кухонного стола, перестал издавать мерное гудение. На втором этаже затихли крики и ругательства, я не мог расслышать даже своего дыхания. Замерло все.

Это продолжалось не более двух минут, я уже успел испугаться за свои барабанные перепонки, когда звуки нахлынули вновь. Вернулось все разом: хруст стекла, тиканье часов, гудение ноутбука, скрип петель в дверном проеме, а затем со мной что-то произошло.

Мозг, подобно игле, пронзило острое чувство страха. Неописуемый ужас заполнил каждую клетку организма. Я замер, дыхание перехватило. Более я не мог находиться здесь и сейчас. Не в состоянии устоять на месте, я повернулся и с криком бросился ко входной двери, перегороженной теперь кухонным столом.

Одним рывком оторвал от пола и отбросил в сторону тяжеленный дубовый стол, щелкнул замком и распахнул наружную дверь, после чего выбежал на свежий воздух. И только пробежав еще не менее десяти метров, смог остановиться.

Согнувшись пополам и до боли уперев руки в колени, я ловил воздух широко открытым ртом, в висках стучало, пульсирующая боль отдавалась во лбу. Из дома слышался топот ног и крики. За криками последовали Игорь с Костей, чудом не застрявшие в дверном проеме, а следом за ними, хромая на одну ногу, выбежал профессор.

Они остановились рядом со мной, мы с Костей переглянулись. Его глаза были совершенно пустыми и только ужас блестел в расширившихся зрачках. **Если страх умеет бить, это был настоящий удар страха.**

Мы стояли в нескольких метрах от дома, пытаясь отдышаться. Впрочем, стояли не все. Игорь сел на одно колено, упираясь руками в сырую землю, Костик плюхнулся на задницу и ошалело смотрел на дом. Непонятный, пронзительный ужас, охвативший нас минутой ранее, растаял без следа.

Я оглядел своих товарищей – на каждом лице застыло неловкость и непонимание, а вместе с ним и чувство вины. Все, что произошло несколькими минутами ранее, случилось слишком неожиданно, и каждый пытался понять причины постыдного бегства.

Несмотря на солидный возраст и вывихнутую ногу, Михаил Александрович первым пришел в себя. Оглядевшись по сторонам, он спросил, обращаясь ко мне, – а где Александр? Максим, вы же с ним вместе внизу были?

К своему стыду я только теперь понял, что выбежал из кухни не задумываясь, последует ли за мной хозяин дома. А он, судя по всему, остался внутри.

– Поспешим, у меня плохое предчувствие, – бросил профессор, шагая к дому.

Мы нехотя поднялись и пошли следом за ним. Входная дверь оказалась незапертой, выбегая кто-то сунул свернутую газету в дверной проем, чтобы она не захлопнулась окон-

чательно – по крайней мере один из нас все-таки сохранил остатки самообладания. Не помню кто выбегал из дома последним, кажется, это был профессор.

Следом за ни, мы вошли внутрь дома. Это была все та же кухня, где мы спали еще пару часов назад, только с того момента здесь кое-что сильно изменилось.

На кухне царил полнейший беспорядок. Посередине комнаты на полу, с неестественно вывернутыми рожками, лежала огромная кухонная люстра, под ногами хрустели осколки стекла, разбросанные по всему полу. Дверцы настенных шкафов широко раскрылись, некоторые валялись, сорванные с петель.

Прочный дубовый стол, занимавший ранее основное пространство столовой, лежал сломанный возле стены. Рядом с ним стоял ноутбук, экран которого уцелел и по-прежнему светился. Нетронутыми оказались только наши раскладушки, они аккуратно стояли там, где мы недавно оставили их.

Быстро оглядевшись по сторонам, Михаил Александрович пересек кухню и толкнул дверь, ведущую в коридор. Дверь не шелохнулась. Она оказалась не просто запертой, ее захлопнули с такой силой, что она чудом не вылетела наружу, и теперь намертво заклинила дверной проем.

Пока Костя с Игорем пробовали открыть дверь ногами, мы с профессором обследовали содержимое нижних кухонных ящиков. В угловом шкафу, возле мусорного ведра, я обнаружил то, что было нужно – тяжелый топор с массивным

топорищем.

Я не мастер махать топорами, но, как говорится, ломать – не строить. Первый удар был пробным, лезвие топора с легкостью отскочило от дверного полотна. И второй раз я ударил уже основательно. На этот раз лезвие глубоко вошло в дверь и намертво застряло в ней, мне пришлось пошатать топор из стороны в сторону, чтобы вынуть его из двери.

Костя выхватил орудие из моих рук, не дав ударить в третий раз. Топором он работал умело, и уже после второго удара из середины двери вверх поползла глубокая трещина. Еще несколько ударов, и дверь вывалилась, расколовшись на две половины. Проход освободился.

В коридоре ничего не изменилось. На стене ярко горел светильник, вещи лежали на своих местах. В общем – то, что учинило погром на кухне, не добралось до коридора.

На полу, возле лестницы, ведущей на второй этаж, мы обнаружили Александра. Он сидел на корточках, прислонившись спиной к перилам, руками сжимая на горле толстую золотую цепь, последняя глубоко врезалась в его бычью шею. Глаза Александра налились кровью и вылезли из глазниц, кончики пальцев, сжимающих цепь, побелели, под носом запеклись кровоподтеки.

Он не мигая смотрел перед собой, было непонятно – душил ли он себя, или из последних сил пытался порвать толстую цепь, душившую его против воли.

Пока я старался не потерять остатки самообладания, про-

фессор присел рядом с Александром и освободил ему шею, затем двумя руками поднял широченную ладонь хозяина дома и положил пальцы ему на запястье. Брови над переносицей Михаила Александровича распрямились, глаза замерли.

– Пульс! У него есть пульс! – быстро оживился профессор, – быстрей, Максим, помогите мне вытащить его на улицу!

Вдвоем мы обхватили Александра под руки и потащили к выходу. Каким же он оказался тяжелым… Не знаю, как рядом со мной шел профессор, но мои ноги предательски шатались под тяжестью Александра.

Когда мы наконец вытащили его за входную дверь и положили на траву перед домом, мою спину свело судорогой, ноги дрожали. Я стоял, согнувшись и хватал ртом воздух, как несколькими минутами ранее, когда мы все, испытав непонятный приступ страха, выбежали из дома.

А вот профессор, казалось, не заметил физическую нагрузку. Он сел рядом с Александром, и стал несильно похлопывать его ладонями по щекам, пытаясь привести в чувства. Пока мы возились с ним, Костя и Игорь, поднявшись на второй этаж, быстро снимали со стен наше оборудование.

Они вышли на улицу в тот момент, когда Михаил Александрович звонил в скорую помощь. Ребята несли в руках охапки проводов, камер и прочих приборов. Я выхватил из-под Костиной подмышки ноутбук, который вот-вот собирался упасть на землю.

…

Скорая приехала минут через двадцать. Мы успели распихать вещи и раскладушки по машинам, когда у подъездной дорожки появилась белая газель с красным крестом. Александр пришел в сознание, но не подавал никаких признаков осмысленного существования. Он не отвечал на вопросы, не реагировал на внешние раздражители, продолжая сидеть и смотреть прямо перед собой.

На вопросы врачей скорой помощи отвечал Михаил Александрович. Мы с ребятами сидели чуть в стороне от них, и в разговоре не участвовали, лишь обрывки фраз из общего разговора долетали до наших ушей. Среди них я расслышал: «следы побоев», «вызвать полицию» и «сообщить участковому».

Никаких документов, удостоверяющих личность и права хозяина на собственный дом, у нас при себе не имелось, а Александр по-прежнему продолжал молчать. Врач скорой помощи, после напряженного спора с профессором на повышенных тонах, махнул рукой, наскоро чего-то записал на листок бумаги, после чего протянул этот лист Михаилу Александровичу.

Профессор прочитал его, несколько раз кивнул, размашисто подписался внизу и вернул лист врачу. Экипаж скорой помощи уехал, забрав с собой Александра, а мы остались сидеть перед домом. Когда огни скорой скрылись за поворотом, профессор снова достал телефон и набрал короткий но-

мер полиции. Сообщил о случившемся, он продиктовал адрес и подтвердил, что мы дождемся их приезда.

Полиция ехала более часа. Сидеть на земле было не удобно, к тому же мы замерзли. Дом больше не подавал признаков «присутствия», и Игорь предложил продолжить ожидание на кухне. Профессор не стал возражать, и наша команда перебралась внутрь дома.

Михаил Александрович с Костей сидели на диване и просматривали на ноутбуке видеофайлы, записанные с наших камер видеонаблюдения. Игорь перетащил в угол упавшую люстру и скручивал провода, пытаясь включить ее в розетку. Я светил фонариком, восхищаясь его работой.

Из люстры торчал толстый пучок разноцветных проводов, Игорь быстро и со знанием дела скрутил несколько в толстый жгут, остальные провода свернул в узел и обмотал изолентой. Затем вытащил из сумки удлинитель на несколько розеток, сунул в него два провода от люстры, а сам удлинитель включил в сеть.

В глаза ударил яркий свет электрических лампочек. Из восьми ламп, после падения, в люстре уцелели только три, но даже они светили ярко, во всяком случае гораздо ярче, чем наши карманные фонари.

При свете ламп я оглядел кухню. Среди общего беспорядка, разбросанных вещей и осколков стекла, попадавшихся в самых неожиданных местах, на плите гордо поблескивал металлический чайник Мои наручные часы показывали поло-

вину четвертого утра, – ну а почему бы и нет? – самое время выпить чаю.

Долив из крана воды, я поставил чайник на плиту и включил газ. Игорь, уже успевший собрать инструменты обратно в сумку, нашел четыре кружки и сполоснул водой, чтобы в них не осталось осколков стекла, после чего расставил кружки на табурете возле плиты. Кухонный стол по-прежнему лежал на боку, справа от входной двери, мы не стали его трогать.

На звон чашек к нам с дивана подошел Михаил Александрович, он помог найти пакетики с чаем и сахар. В холодильнике обнаружился мед, и колбаса. Там же мы обнаружили и черствый хлеб.

Мы соорудили пирамиду из бутербродов и ждали, пока настоится чай в кружках. Профессор, вместо сахара, положил в свою чашку две ложки меда, и я последовал его примеру.

Когда мы доедали по второму бутерброду, в дверях появилась полиция. Их было четверо – трое патрульных и заспанный участковый, которого, судя по всему, на этот вызов подняли из постели. Он не переставая зевал и разглядывал нас маленькими, злобными глазками.

Полиция еще не успела осмотреть кухню, как у старшего патруля зазвонил телефон. Посмотрев на номер, сержант нахмурился и стал отвечать четко и однозначно, – так-точно, принято, есть!

После короткого разговора он посмотрел на участкового, который, разглядывая погром на кухне, начал медленно просыпаться и выказывать некое подобие удивления, – звонил майор Сазонов. Приказано опросить свидетелей и составить протокол. Свидетелей, – кивнул сержант в нашу сторону, – не задерживать, оформить и отпустить. Быстро. Тебе, – указал он пальцем на участкового, – приказано составить полную опись пострадавшего имущества. Все материалы по делу к утру должны лежать на столе у Сазонова, дальше ими займется другой отдел.

Участковый долго смотрел на сержанта, иногда переводя взгляд на нас, сбившихся в кучу и жующих бутерброды, после чего пожал плечами – мол так, значит так, и продолжил осмотр помещения.

– Кто из вас Семенихин? – обратился сержант к нашей группе.

– Семенихин Михаил Александрович, – представился профессор, – к вашим услугам!

– Мне сказали, вы распишетесь в протоколе вместо хозяев дома, – несколько неуверенно и смущенно закончил свою мысль сержант.

В отличии от него, профессор никакого удивления не выказал, казалось, он был готов к такому развитию событий. Мне стало интересно, куда звонил наш профессор после того, как уехала скорая помощь и прежде, чем набрать дежурный номер полиции.

Полиция занялась своим делом – осмотром помещений, составлением протоколов и опросом свидетелей. В качестве свидетелей от лица всей нашей группы единолично отвечал Михаил Александрович. Уж не знаю, какие пояснения он дал следствию, но все закончилось на удивление быстро.

Я, вместе с Игорем и Костей, бесцельно слонялся на улице, чтобы не путаться под ногами у следственных органов. Полиция не задала нам ни единого вопроса, что меня лично вполне устраивало. А через полчаса, бодрый и довольный, вышел профессор, – ну что? Поехали по домам? – предложил он.

И мы уехали, оставив сохранность дома и его имущества на привычные плечи полиции. Ехали молча. Молчал Костя за рулем автомобиля, Михаил Александрович молча сидел на переднем сиденье, молчали и мы с Игорем. Это задание, которое к тому же для меня было первым, наша группа с треском провалила.

Мы не сберегли владельца дома, его увезла скорая в невменяемом состоянии, не сумели сохранить имущество – чего стоил разгром на одной только кухне, не сумели определить причину случившегося. Мы не добились ничего…

Глава 2. Охотники за привидениями. Начало

Все началось несколькими месяцами ранее. Я был самым обыкновенным студентом, учащимся на историческом факультете Воронежского Государственного Университета. От сессии до сессии жилось мне неплохо, а в сессии начинались проблемы.

Если честно, я вообще не понимаю, каким чудом мне удалось дотянуть до второго курса. Стоит начать с того, что я никогда не любил историю. Все эти исторические события, которые разворачивались перед нами во время лекций, для меня были скучны и не актуальны. Ну в самом деле, кому интересно изучать то, что уже случилось, причем случилось несколько столетий назад?

Конечно, многие со мной не согласятся, и первым среди них будет профессор Семенихин – пожалуй, самый уважаемый профессор на кафедре Политической Истории. Михаил Александрович имел тот редкий талант, позволявший ему долгими лекционными часами с жаром и упоением рассказывать о самых заурядных, на мой взгляд, исторических событиях, превращая их во что-то живое и осязаемое.

Его предмет был одним из немногих в университете, который я хоть как-то пытался учить. Все остальные предметы,

что называется, мне просто не заходили. В добавок ко всему, даты, которые бедующий историк должен был запоминать, как свой собственный день рождения, в моей голове никак не желали оставлять хоть какой-то след.

В общем и целом, я с самого начала поступил на этот факультет по единственной банальной причине – сюда был до удивления смешной конкурс. Сколько студентов – столько и мест на факультете. И я старался. Вернее, пытался стараться, но со временем все меньше и меньше. И вот, наконец, настал тот день, когда я решил окончательно м бесповоротно забросить учебу.

В том, что этого не произошло, я обязан Костику, ну и, конечно же, Михаилу Александровичу. Костик был, есть и будет простым деревенским парнем с хитрым крестьянским умом. С виду он прост, как пять копеек, но это только с виду. По своему обыкновению, он всегда прикидывается шлангом и жадно слушает собеседника, как человек, который не имеет собственного мнения. Но повторюсь, это только с виду.

Если вам посчастливится узнать Костика лучше, то в этом человеке можно разглядеть многие таланты, о которых окружающие не догадываются. К каждому человеку Костя мог найти индивидуальный подход, причем без хитрости, попростецки. Недаром Костик, еще будучи студентом первого курса, получил прозвище «брат студента», он везде был «в доску» свой.

И вот, когда я, опустив голову и поджав хвост – а хвостов,

надо признаться, у меня скопилось немало – шел с повинной в учебную часть, вероятней всего для того, чтобы написать заявление об окончании своей деятельности в качестве студента, по дороге мне встретился Костя.

Константин уже перевелся на третий курс. Я не знал точно с какого он факультета, но слышал, что его учеба связана с физикой. Он, в свойственной ему манере, сперва посочувствовал, причем так, что мне действительно стало легче, а потом спросил, – а какая, собственно, вожжа мне залезла под хвост? Ну есть хвосты? – Так у кого же их нет? Нет времени? – А у кого оно есть? И посоветовал мне, для начала, записаться на факультативный курс к общеизвестному профессору Семенихину.

Как я узнал от Костика, Михаил Александрович увлекался паранормальными явлениями, которых история прошлых лет знала немало. В обычных занятиях такая практика не приветствовалась, и вот профессор собрал студентов-единомышленников для факультативных занятий.

Возможно дело было в том, что кроме Михаила Александровича в нашем университете паранормальными явлениями никто больше не увлекался, а возможно про его факультативные занятия мало кто знал. В любом случае, группа его слушателей была, мягко говоря, немногочисленной. Не знаю, как про эти занятия прознал Костик, но с другой стороны -похоже, он знал все, что происходило в университете.

По совету Кости, я записался на дополнительные заня-

тия к профессору Семенихину, и честно начал их посещать. Огромной неожиданностью стало то, что уже после первого посещения факультатива я понял – это очень даже по мне! Меня, как обычно, не клонило в сон от скучных событий и непримечательных дат, вовсе нет.

На своих занятиях Михаил Александрович рассказывал так увлекательно, что мне запоминались в первую очередь – события, и во вторую очередь – даты. Причем, в данном случае даты запоминались легко и непринужденно. Оказалось, что история на всем протяжении полна необычных и загадочных тайн, которые до сих пор не раскрыты.

И уже после второго факультатива, которые, к слову, проводились раз в две недели, мне снова захотелось продолжить учебу в университете. За это спасибо Косте и Михаилу Александровичу, который выслушал меня, а после, без всяких нравоучений, помог оформить академический отпуск в учебной части.

Кстати, на тех же занятиях я познакомился и с Игорем Корниенко, который, как оказалось позднее, тоже входил в нашу группу «Охотников за привидениями».

О самой группе я узнал от профессора Семенихина. Это случилось в конце второго месяца, после начала факультативных занятий в группе у Михаила Александровича. Перед началом очередного занятия ко мне подошел, а вернее – подбежал Костя. Ходил он редко, в силу своего неукротимого характера, чаще неторопливо бегал. В общем, нагнав

таинственности, он полушепотом передал мне просьбу профессора Семенихина – подойти к нему после окончания факультатива.

По лицу Кости было видно, что он прекрасно знает, о чем профессор хочет со мной поговорить, но изо всех сил сдерживает желание выложить мне все и сразу. Я, в свою очередь, изо всех сил сдержал любопытство спросить у Костика – о чем пойдет речь, а лишь кивнул и сказал, – понял, подойду!

Михаил Александрович не стал ходить вокруг, да около, он сразу выложил все на чистоту. – Максим, вы умный студент, и вероятно уже сделали вывод о… так сказать, специфическом круге моих интересов. Не буду скрывать, что мои интересы идут немного дальше, чем просто факультативные занятия, – профессор внимательно заглянул мне в глаза и продолжил, – перейду к сути…

Со слов Михаила Александровича я узнал, что в нашем городе существует некоторая окологосударственная контора, которая непосредственно занимается разными необычными явлениями.

Необычными, – то есть теми, которые не попадают под прочую юрисдикцию, например, полиции, – пояснил профессор, увидев полное непонимание на моем лице. – Можете называть это как хотите: необъяснимое, паранормальное, сверхъестественное… в общем – необычное, – подытожил Семенихин. – Почему наполовину государственное? Если данные явления существуют в природе… а они, как вы

позже узнаете, очень даже встречаются, кто-то же должен заниматься этим, разве не так? В нашу организацию поступает информация от различных ведомств, будь то пожарная часть, полиция, или скорая помощь. И случается это потому, что иногда до истоков проблем сами они добраться не могут. А если и добираются, то полученные данные уже не могут приобщить к своим официальным протоколам. Вот тогда-то в дело вступаем мы! Официально мы приписаны к дирекции социальной сферы, но фактически не имеем к ней никакого отношения. Там числятся наши должности, бухгалтерия худо-бедно начисляет на них зарплату, да и только…

Я молчал, и Семенихин продолжил.

– С другой стороны нас поддерживает негосударственное предприятие в лице… – профессор замялся, – я пока не могу полностью рассказать всех деталей, да и не так они важны. Вам нужно лишь знать то, что помимо государственной конторы нам помогает один крупный бизнесмен, который хочет оставаться в тени, понимаете, у него свои интересы? Так вот, из этой негосударственной организации мы получаем необходимые материалы и инструменты для наших исследований.

– То есть, у вас есть команда по изучению сверхъестественного, которая имеет и государственную и негосударственную поддержку? – уточнил я, – и как она называется?

Профессор поморщился, затем улыбнулся, – у нашей команды пока нет официального названия. У меня, конечно

же, есть далеко идущие планы… но это потом, когда телефон нашего офиса будет известен на всю страну, как, скажем, телефон скорой помощи, или телефон Гор-Газа, чтобы граждане знали о нашем существовании и были проинформированы куда звонить в случае беды. Ну а пока, – профессор снова улыбнулся, – пока ребята в шутку называют нашу команду «Охотники за приведениями».

Я слушал не перебивая. Стоя в маленькой, пыльной преподавательской комнате – а разве факультативному курсу могли отдать хорошее помещение – я слушал и не дышал. Если бы мне рассказывал об этом кто-нибудь другой, например, Костик, я бы, наверное, рассмеялся и ушел. Но слышать такое непосредственно от профессора Семенихина было иным делом. А Михаил Александрович продолжал.

– На самом-то деле, если вдуматься, мы никакие не охотники. Нет у нас ни бластеров, ни ловушек…ну вы помните? Как в том фильме, про «Настоящих охотников за приведениями». У нас есть лишь малая часть оборудования, которое производит не поиск призраков, а делает некоторые замеры физических характеристик. А уже по этим замерам мы делаем вывод – есть перед нами что-то необъяснимое и сверхъестественное, или же это обыкновенное природное явление. И даже если перед нами что-то совершенно необъяснимое, неподвластное физическим законам нашего мира, все равно мы и поделать-то ничего не можем. Нечем нам с потусторонними силами бороться, будь то призраки, или иные проявле-

ния других реальностей. Мы всего лишь собираем данные, накапливаем их и изучаем.

Профессор вздохнул и на минуту задумался.

– Наше государственное главенствующее предприятие, в случае необходимости, выделяет нуждающимся временное жилье, как правило, это недорогие коммунальные квартиры. А наш негосударственный богатый спонсор может выкупить в свою собственность, или в собственность своей компании жилье с потусторонними проявлениями, для дальнейшего всестороннего изучения данных процессов. В общем и целом, помимо нашего простенького оборудования, у нашей команды есть только мы – ее верные подданные, – с улыбкой закончил свое пояснение Михаил Александрович.

– И как часто люди обращаются за вашими услугами? – не удержался я от вопроса.

– Часто, – невесело ответил профессор. – Но как правило, а правило это в девяноста семи – девяноста восьми случаях из ста, причины подобных явлений вполне заурядные. А чтобы добраться до тех самых двух – трех случаев из ста, зачастую приходится выполнять рутинную и скучную работу.

– И как же вы поступаете, когда находите те самые два-три «ваших» случая? – вновь не удержался я.

– Как поступаем? – профессор наморщил брови и потер переносицу, – да по-разному поступаем. Стандартного способа у нас нет. Да и вообще, разве может к необъяснимым явлениям и феноменам быть применен стандартный

способ? Вот, например, наше крайнее расследование. Да вы не удивляйтесь, Максим. Можно к вам обращаться менее официально? Мы, охотники за призраками, народ очень суеверный и не любим громких слов. Для нашего брата слово «последний» режет слух, и мы заменяем его словом «крайний». Крайний случай, крайний раз. Теперь понятнее? Так вот, собственно, крайний случай у нас был очень интересный. К нам обратились владельцы одной старенькой квартирки, купленной на вторичном рынке. Ничем непривлекательная четырехкомнатная квартирка, в стареньком многоквартирном жилом доме, после переезда новых владельцев начала подавать «признаки жизни». Собственной жизни, помимо самих жильцов. Началось все банально, с физического недомогания всей семьи. Врачи, как оказалось, им не помогли. Дальше начались иные проявления: хлопанье дверей, самопроизвольные возгорания, непонятные шорохи и ночные шепоты. Злополучные новые хозяева квартиры обращались сперва в церковь, потом в полицию. К ним на квартиру ходил батюшка, песни пел, и по углам водой брызгал. После него приезжал участковый. Ходил по комнатам и ничему не верил. Несколько раз его вызывали. А после того, как сам застал самопроизвольное открывание дверей в доме, сказал жильцам честно – что он, в данном случае, ничем помочь не может, такое даже в протоколе не укажешь! Вот и обратились владельцы квартиры к нам. Мы им помогали разве что своим присутствием. Ну а что им еще делать? В кварти-

ре страшно, тем более с двумя детьми. Чтобы купить новую, нужно старую продать. Другую квартиру снимать они не могут, у них денег нет, за эту еще с банком не рассчитались. Можно к родственникам напроситься, но вы же понимаете, что это все временное решение? В итоге они вышли на нашу группу. Мы жили у них по двое. Круглосуточно – и днем, и ночью. А потом через социальный фонд комнату в общежитии оформили, они пока там и живут. Так что, никакие мы не охотники – скорее исследователи.

– А почему вы предлагаете мне место в вашей команде? Ведь желающих наверняка много будет. Почему именно мне? – задал я вопрос, ответ на который очень тревожил.

Профессор снова нахмурил брови и неуверенно посмотрел по сторонам. Но, наконец, он решился и ответил.

– Про вас, Максим, слухи ходят по институту. Ваши однокурсники вас за глаза Ведьмаком называют. Я сперва думал, что это глупое прозвище, но потом кое-кто мне рассказал, что вы никогда не проигрываете в азартные игры, особенно в карты. Можете на спор, не глядя, отгадать масть почти всех карт в колоде, способны на экзамене счастливый билет вытащить, и тому подобное. Вы же знаете, как вас однокурсники называют?

Я знал… Ведьмаком меня называли не только за глаза. Да и не только однокурсники. Было время, когда в старой школе так звал меня каждый мальчишка. Макс – Ведьмак. Я тогда гордился своим талантом и не скрывал его, но с годами стал

более скрытен. Но опять-таки, с чьей-то легкой руки этот ярлык снова намертво прилепился к моему имени. **Макс – Ведьмак**. Только на этот раз произносили его скорее в шутку, чем в серьез, и совершенно без страха. Не то, что было в школьные времена моей бурной юности.

Просто повзрослев, я перестал считать свою силу талантом. И стал все чаще вспоминать единственный момент из детства, когда получил свой дар… или проклятье. И спустя годы я вспомнил все – каждую деталь того далекого летнего дня, каждую мелочь. Помню, только рассказывать об этом пока не готов…

Глава 3. Сейчас

Домой я вернулся только под утро. После нескольких дней отсутствия мне было приятно вновь оказаться у себя дома. Несмотря на то, что предшествующие три дня я провел в относительном комфорте, если забыть про бессонные ночи на скрипучей раскладушке, все равно свой дом ни с чем не сравнится. Даже, если это не совсем твой дом.

Последнее – это как раз мой случай. Я почти полгода живу в доме своей девушки. Причем так получилось, что живу я в нем совершенно один, не считая кота. Родители Светланы, так зовут мою девушку, или теперь про нее стоит говорить в прошедшем времени… Я часто мучаю себя этим вопросом, но никак не могу на него ответить, даже самому себе. Так вот, родители Светланы выиграли Грин-карту и уже полгода живут в Америке, вместе со своей единственной дочерью. Она, как Карлсон, который живет на крыше – улетела, но обещала вернуться.

В первые несколько месяцев, я в это верил. Верил в то, что скоро она вернется и мы снова будем вместе. Но время шло, а в ее ближайшие планы возвращение домой, пусть даже на короткий промежуток времени, не включалось. Я понимал это, но принять не мог.

Они обживались на новом месте, обзаводились новыми связями, новыми друзьями, и новыми взглядами на старые

вещи. Вероятнее всего, что в какой-то момент я для нее превратился в одну из таких старых вещей, которая должна остаться в прошлом.

В первый месяц мы ежедневно созванивались по видеосвязи, но потом эти звонки стали реже, пока наконец она не перестала отвечать на мои вызовы. Иногда я получал от нее сообщения, в которых Светка, с искренними извинениями, ссылалась на неотложные дела и обещала перезвонить позднее.

Вывод был очевиден – я остался в прошлом. Как-бы то ни было, я по-прежнему живу в их небольшом городском доме, оплачиваю коммуналку и присматриваю за котом.

Вернувшись домой, я насыпал в миску Батона сухой корм. Не знаю, чем он питался в мое отсутствие, но, судя по виду, кот совершенно не похудел. Батон ел и косился на меня своими ядовито-желтыми глазами. Иногда мне кажется, что этот кот умеет читать мысли. На счет мыслей, возможно, я загнул, но мое душевное состояние кот всегда угадывал безошибочно.

Сегодня я был усталым и разбитым. Меня до боли терзало чувство вины. Я пытался докопаться до причин этого чувства, но рационального объяснения найти не мог.

Забравшись в ванную, я включил душ. Обычно вода помогает снять усталость и вернуть здравомыслие, но не сегодня. Я сидел, подставив спину под обжигающие струи воды, и старался ни о чем не думать, но какая-то мысль продолжа-

ла крутиться на заднем плане в моей голове. Я что-то не понял, чего-то упустил.

Кот наблюдал за мной, забравшись на стиральную машину. Взяв в руки кусок мыла, я продолжал рассматривать пустую мыльницу, затем закрыл глаза и попытался мысленно вернуться в дом Александра.

Очутившись на кухне – на той самой кухне, где совсем недавно мы пили чай в ожидании приезда полиции – не увидел и следов беспорядка. Все шкафы стояли нетронутыми, дверь целой. Я подошел к двери, она распахнулась, и я мысленно проследовал дальше. В коридоре за дверью я остановился. Внизу, в подвале, я ощущал тяжесть, а сверху… надо мной нависало что-то темное и бесформенное, как туча, только наделенная разумом.

Медленно я начал подниматься по ступеням лестницы, ведущей на второй этаж. Страха не было, так как мое физическое тело в этот момент находилось далеко от дома, и какое-то внутреннее – седьмое чувство – подсказывало, что я нахожусь в злополучном доме задолго до развития известных событий.

И тем не менее, поднимаясь по лестнице, я старался не шуметь – осторожность еще никому не вредила. Поднявшись до конца ступеней, я увидел ту самую нишу стенного шкафа, с которой, как мы думали, все и началось. Мы разобрали шкаф, но не обнаружили в нем ничего существенного. Теперь же я чувствовал, что все зло, вместившее свои

обиды на целом доме, включая его хозяев, изначально было сконцентрировано именно в этом стенном шкафу.

Стоя на верхней ступеньке лестницы, я прислушался к своим ощущениям: Так-так-так-так, скорей почувствовал, чем услышал. Что-то темное и пульсирующее дышало и вздрагивало сквозь равные интервалы времени. Я спустился на ступеньку ниже, затем еще на одну, присел и увидел – всю внутреннюю поверхность стены, окружавшую встроенный шкаф, украшали древние символы или руны.

Вместе с равномерным гулом – так-так-так – символы начинали светиться, после чего снова гасли. И так продолжалось с каждой пульсацией. Одновременно с этим я почувствовал, как мои ноги, стоявшие на верхних ступенях лестничного пролета, приобретают вес и начинают давить на лестницу. Это могло означать только одно – то, ЧТО находилось в доме, заметило мое присутствие, и затягивало физическое тело в эту инородную и пугающую реальность!

Я открыл глаза. Передо мной снова была ванная комната, льющаяся из-под крана вода, и кот, который уже не лежал, как минутой ранее, он сидел и округлившимися глазами смотрел на меня. Впрочем, минутой ли?

Я так и не научился определять время, которое проводил там – с другой стороны своего сознания. Судя по увеличившемуся объему воды в ванной, это была не одна и не две минуты, как мне показалось. Все это время я продолжал сжимать в руке кусок мыла. Посмотрев на него, я отложил мыло

в сторону, взял пустую мыльницу и аккуратно положил ее на теплую воду.

Вода легко подхватила мыльницу, и та закачалась, подрагивая на волнах. Набрав в руку немного жидкости, я вылил ее в мыльницу – качание замедлилось. Я повторил это несколько раз, наблюдая, как с каждой новой пригоршней воды мыльница все медленнее реагирует на колебания волны в ванной.

Перед тем, как уйти под воду, наполненная водой мыльница совсем перестала раскачиваться и замерла неподвижно. Вот что было сокрыто в той пульсации! Так-так-так. Я видел, как темная энергия, удерживаемая утерянными символами, капала и растворялась где-то далеко внизу, в глубинах подвала странного дома. Мы же своими действиями, а именно – демонтажем стенного шкафа, нарушили тонкое равновесие невидимой темной материи.

Она перестала стекать в недра дома и, подобно воде в мыльнице, стала набираться, аккумулируясь в его стенах, пока этой энергии не набралось столько, что она захлестнула и потопила дом целиком. А мы-то радовались, когда после нашего вмешательства Александра перестали мучать страшные сны наяву. Дом, так же как мыльница, потяжелел и на время затих, чтобы потом камнем уйти под воду, забрав с собой всех, кто находился в нем.

Теперь для меня это было так очевидно, что сжались скулы и на глаза навернулись слезы обиды. Это же была моя за-

дача! Правильнее сказать – это была моя единственная задача, которую я должен был выполнить, находясь внутри. Я должен был это почувствовать, должен был догадаться, но сплоховал.

И Александр расплатился за мою ошибку, возможно, ценой собственной жизни. Батон не мигая смотрел мне в глаза и урчал, выражая на кошачьем языке свои эмоции. Кто бы знал, как я был благодарен этому коту за то, что не один оказался в ванной. А потом зазвонил телефон.

Звонил Костик, тот же кот, который, прячась под маской безразличного веселья, очень остро чувствует эмоции друзей. И ему за тот звонок, я тоже был искренне благодарен.

– Жрешь, небось? – со смешком начал Костик.

– Нет, – я не стал говорить, что звонок застал меня в ванной.

– Уже пожрал? – у Костика были два коронных вопроса, которыми он мог вывести из себя любого собеседника и, как ни странно, этот способ всегда срабатывал. Но не в этот раз.

– Я не хочу есть, я спать хочу. А еще у меня из головы не выходит наша поездка! Кажется, я понял, в чем заключалась проблема. Мы кое-что не заметили, когда разбирали нишу в стене. Мне кажется, там что-то было.

На другом конце телефона послышался вздох, голос Константина посерьезнел. Я уже и сам понимал, что он ответит. Так же, как понимал и то, что постоянное прокручивание в голове недавних событий к хорошему не приведет. Ничего

уже не изменишь и до добра такие мысли уж точно не доведут, но такова моя суть, а себя не изменишь – таков уж я человек. А еще я думал о том, кто на самом деле был инициатором телефонного звонка – сам Костик, или же его попросил позвонить Михаил Александрович, но спрашивать не стал.

– Слушай, Макс, я понимаю, как все это выглядит для тебя, тем более, это был твой первый выезд в составе нашей группы… но пойми, что наша работа – это тот самый случай, когда ничего не знаешь заранее. А раз так, то и распланировать заранее мы никогда ничего не можем! Бывало, и не раз, когда все наши планы во время выезда летели к чертям. И поэтому приходится импровизировать на ходу, а это получается не всегда удачно. То, что ты переживаешь – это нормально, но зацикливаться на этом не нужно! Все доски, обои, и чего мы там еще от стены отодрали, пойдет в архив, потом разберемся что к чему, а пока нужно жить дальше и думать о перспективах, тем более, что нам скоро предстоит еще один выезд, который, возможно, окажется серьезней и опасней предыдущего. Так что, нужно сконцентрироваться на новых возможностях, – подытожил Костик.

Я слушал его не перебивая, лишь мысленно отметил для себя последнюю фразу, а именно – как он поставил ударение в слове «сконцентрироваться». Значит Михаил Александрович все-таки приложил руку к нашему разговору. Но сам он звонить не стал, иначе я чувствовал бы себя еще глупее. Эту дипломатичность я мысленно отметил, а вслух спросил, –

что за архив?

– Ну, брат, архив – это Архив, – к Костику снова вернулось глуповато-шутливое настроение, – это такое место, где годами лежит всякий хлам, прямо, как в гараже у Пухлого, бывал там когда-нибудь? – договорил он уже смеясь. – На самом деле про архив тебе лучше у профессора спросить, он сможет объяснить лучше меня.

После разговора с Константином я почувствовал себя лучше, на передний план снова вышла уверенность, а чувство вины отступило назад. Я устал, но в сон не тянуло, поэтому я не пошел в спальню, а лег на диване в гостиной и включил телевизор, уверенный в том, что уснуть не удастся.

Как оказалось шестью часами позднее, в этом я сильно ошибался. Не смотря на включенный телевизор и шум с улицы, я крепко проспал большую половину дня. Проснувшись, я обнаружил кота, лежавшего в ногах. По телевизору был включен канал евро-новостей, по которому к моменту моего пробуждения показывали ураган, свирепствующий на южных широтах земного шара.

Телефон мигал множеством пропущенных сообщений, меня всегда интересовал вопрос – как мои корреспонденты узнают о том, что я сплю, ибо именно на моменты моего сна приходила основная часть пропущенных звонков и сообщений.

Я взял телефон в руки, он показался мне потяжелевшим от новых сообщений, и стал просматривать их. Два пропу-

щенных звонка от Светланы по Скайпу и несколько испуганных сообщений после них. Она сильно желала узнать все ли в порядке со мной и домом. Как показалось, ее больше интересовало последнее, чем я.

Она где-то увидела видеоролики, которые показывали бурю с градом, прошедшие в нашем городе. Я набрал ей короткое сообщение о том, что ни про какую бурю и град не слышал, а также подтвердил, что мы, вместе с домом и котом, находимся в полном порядке, чего и вам желаем. Света не ответила, но я увидел, как мое отправленное сообщение приняло статус «прочитанного».

Остальные сообщения, сомнительного содержания, были от Костика. Костя писал, что пока я спал, он увел моего коня, а также кучу всякой чуши, которую я пропустил не задумываясь, но в конце каждого сообщения он просил перезвонить ему, как только проснусь. Последнее полученное от него сообщение имело следующее содержание: «Есть новое задание. Вечером собираемся у профессора. Перезвони, как проснешься!». Зевая, я набрал номер Кости.

– Проснулся? – послышался в телефоне его бодрый голос, – а то я уже думал будить тебя. Мое сообщение видел?

– Видел, – подтвердил я, – в двух словах не расскажешь?

– В двух словах не расскажу. К семи вечера собираемся у Александровича, там обо всем и узнаешь. Не опаздывай, адрес знаешь?

Адреса я не знал, и Костик скинул его сообщением. Про-

фессор жил на улице с хитрым названием Сакко и Ванцетти. Не имея представления о местонахождении этой улицы, а также о том, кто эти добрые люди, я решил загрузить Яндекс-карты, но, подумав, решил вызвать такси. Зачем мне география? – ямщик есть, куда нужно довезет!

Неплохо было еще и перекусить перед выездом, но посмотрев на часы, которые показывали половину седьмого, я отогнал эту мысль и пошел в душ. Возле дома профессора я оказался уже без четверти семь.

Михаил Александрович устроился неплохо – небольшой, но отдельно стоящий домик в частном секторе, практически в центре города. Невысокий однотипный забор из красного кирпича тянулся вдоль всех домов, стоящих на этой улице со смешным названием. Не знаю почему, но каждый раз, когда я мысленно вспоминаю адрес профессора, губы сами собой растягиваются в улыбке. Я решил, по приезду домой, обязательно посмотреть в интернете, кто такие эти Сакко и Ванцетти.

Пока я рассматривал дом профессора, продолжая глуповато улыбаться, рядом с ним остановилась старая двухдверная «Нива», из которой, громко хлопнув дверью, вышел невысокий, плотно сбитый молодой человек. На вид ему было лет двадцать пять. Выходя из машины, он окинул меня хмурым и недобрым взглядом, после чего быстро зашагал к дому. Пухлый – вспомнил я, как Костик, смеясь, описывал Антона. Ну да, под это описание он определенно подходил.

Я был уверен, что про меня ему тоже рассказали, но он не соизволил придержать открывшуюся калитку и та захлопнулась у меня перед носом. Что-ж, Антону я точно не понравился… ну да ладно, переживу. Убедившись, что калитка заперта, я нажал на кнопку звонка и стал ждать.

– Заходи, Максим, – послышался из динамика знакомый голос.

Дверь щелкнула и приоткрылась, я вошел внутрь. Сразу за калиткой начинались ступени, ведущие в дом. Входная дверь была приоткрыта – меня ждали, но не дождались – навстречу мне никто не вышел. Я вошел в дом и закрыл за собой дверь.

На первом этаже царил полумрак, лишь настенное бра тускло освещало прихожую. Я бы не назвал себя скромным, но и к людям, способным без приглашения врываться в чужое жилище тоже не принадлежал.

Разувшись, я остался ждать возле входной двери. Минут через пять чьи-то тяжелые шаги загрохотали вниз по деревянной лестнице, и вниз спустился Костя. По звуку шагов, я ожидал увидеть Антона или Михаила Александровича, и судя по довольно-улыбающемуся лицу Костика, он это предвидел.

– Ну, чего встал Макс? Кухня прямо, спальня направо, лестница слева, а мы наверху все. Указателей не видишь?

Следом за Костей я поднялся на второй этаж, а затем на третий, и очутился в ярко освещенной квадратной комнате, где уже собрались все остальные члены команды. По всему

периметру комнаты стояло множество шкафов, до отказа забитых книгами и папками под бумаги. Некоторые книги выглядели как средневековый антиквариат, другие были новыми в цветных обложках.

Посередине комнаты стоял небольшой круглый столик, над которым на длинном пружинистом шнуре с потолка свисала пестрая люстра. По бокам от стола, напротив друг – друга, стояли два кожаных дивана.

С другой стороны стола, также напротив друг – друга, пространство огораживали два больших прямоугольных аквариума. Диваны вместе с аквариумами образовывали квадрат, отделяющей основную часть комнаты от рабочего стола. Получался квадрат внутри квадрата, – интересный дизайн, подумал я.

На одном диване сидел профессор с Антоном, на другом расположился Игорь с Костей. Последний спустился, чтобы встретить меня.

– Привел! – весело доложил Костик. – Это же Макс. Он в прошлой жизни был вампиром, переродился в человека, а привычка осталась – не войдет, пока не пригласишь!

Разговор прервался и все сидящие посмотрели в мою сторону. Игорь улыбался, профессор внимательно посмотрел мне в глаза и кивнул, Антон не шелохнулся, его взгляд что-то уколол внутри моего организма.

– Заходи, Максим, – поздоровался со мной Михаил Александрович, – Костю и Игоря ты уже знаешь, а это Антон.

После слов профессора Антон кивнул мне, но дружелюбия в нем так и не появилось. Я уже начинал жалеть, что пришел сюда, чувство вины – что в прошлый раз я подвел команду, еще не прошло, и взгляд Антона подтверждал, что в этой комнате я был лишним. Как будто прочитав мои мысли, Михаил Александрович посадил меня между Игорем и Костей, а сам обратился к присутствующим.

– Вся команда в сборе, приступим! К нам поступила информация о странных явлениях, произошедших недавно в селе Першино. Это Нижнедевицкий район, кто-нибудь слышал о таком?

Мы с Игорем и Костей покачали головами, Антон кивнул, глядя в пол, – Бывал там, – еле слышно прокомментировал он.

– Так вот, – продолжил профессор, – это от нас в двух часах езды. Само село расположено сбоку от основной трассы, сам я там никогда не был, но справки навел. Теперь про странные события, – вздохнул он, – в течении двух предшествующих недель в этом поселке стали пропадать люди. Вернее, не пропадать, пропадать это не совсем так, физически-то они на месте и никуда не пропадали.

Профессор помолчал с минуту, подбирая слова.

– В общем, с местным населением начало что-то происходить. Человек отключается от внешнего мира, перестает реагировать на окружающих, не отвечает на вопросы. Глаза открыты, он дышит, но при этом не шевелится, ничего не

делает и ничего не говорит, а просто смотрит в пустоту перед собой. Самое необычное в том, что происходит это «отключение» при разных обстоятельствах и с разными людьми.

Михаил Александрович обвел нас глазами.

– Понимаю, что все это звучит неубедительно, но я попробую пояснить. Первый случай был зафиксирован с работником частного мясокомбината, расположенного километрах в десяти от самого села. Он лег подремать в обед, а впоследствии его обнаружил в таком состоянии кто-то рабочих. Сперва все списали на его образ жизни, говорят, он сильно выпивал. Вызвали скорую, отвезли в районную больницу. Врачи проверили все, что смогли, но никаких отклонений не выявили. А через два дня он поднялся и ушел. На вопросы не отвечает, ни с кем не разговаривает, и больше не пьет! В общем и целом, он стал другим человеком. На этот случай внимания никто не обратил – ну мало ли… а через два дня местная доярка, уже с самого села… ее обнаружили утром, стоящей в коровнике. Дома она не появлялась, по всей видимости, так всю ночь и простояла. Глаза открытые, дышит, но ни на что не реагирует. И ее увезла скорая. Два дня ее наблюдали врачи, а потом она поднялась и ушла. Молча. С того момента, уже целую неделю, так ни с кем и не заговорила. А про нее говорят, что говорливая была женщина. Любила пошуметь, поругаться и за словом в карман не лезла. А тут, как подменили ее – молчит и все тут. А в конце недели сразу двое с такими симптомами в больницу попали. Причем один

из них приезжий – водитель из города, он в местный магазин продукты привозит. Обнаружили его грузовик за поворотом, на выезде из совхоза грузовик уткнулся в дерево. Не сильно уткнулся, видимо ехал медленно, передний бампер почти не помят, водитель отделался парой синяков, ничего серьезного, как потом врачи пояснили. Его обнаружили сидящим за рулем, мотор работал, глаза открыты, дышит и смотрит прямо перед собой. И тем же вечером нашли помощника участкового у себя в кабинете, тот, правда, на полу лежал, с пистолетом в руке. Зачем он его из кобуры вынул непонятно, следов насилия нет. Там всего-то два милиционера на весь поселок: участковый, да его помощник. Водителя грузовика скорая забрала, также, как и первых двоих. Он сутки отлеживался, а потом молча встал и ушел, а вот с милиционером уже интересней получилось. Его обнаружили вечером, свет горел, и кто-то в окно увидел, что он в кабинете лежит. Позвонили старшему участковому, тот приехал и выяснил, что часом ранее его помощник с женой по телефону разговаривал. Опять вызвали скорую, но ее приезда никто не дождался, милиционер поднялся и ушел. Молча, как и все остальные.

– А почему вы думаете, что это наш случай? – перебил профессора Игорь, – может это по медицинской части, просто врачи не разобрались?

– Может и так, – по тону Михаила Александровича не трудно было догадаться, что сам он в это не верит, – может

быть и так, только, помимо «исчезновений», примерно в то же время местные жители стали аномалии замечать. Нет, ничего такого ярко выраженного, – тут же спохватился профессор, видимо глаза округлились и заблестели не только у меня, – по мелочам. Местный механик рассказал председателю о необычном звуковом феномене, который он испытал, когда чинил мотор в комбайне. С его слов – провозился он долго, но все же нашел неисправность и устранил ее. Комбайн работал, грохотал будь-здоров, как мне рассказали по телефону, он его работающим и оставил на холостом ходу, а сам от грохота в сторону отошел, перекурить. Он отошел не дальше, чем на десять шагов от работающего комбайна, и тут грохот смолк. Сначала он подумал, что мотор заглох, повернулся, чтобы подойти и посмотреть в чем там дело, сделал два-три шага обратно, и снова в закрытом помещении по ушам грохот работающего комбайна ударил. Не услышать работающий комбайн невозможно, я, правда, сам не проверял, но почти уверен, тем более с десяти шагов. И другой местный житель рассказывал, что обнаружил свой сарай на заднем дворе весь покрытый пылью и паутиной, как будто туда уже много лет никто не заходил, а с его слов, он только утром туда после поливки шланги складывал. Да-да, я понимаю, как все это выглядит по-вашему и не спорю, возможно кто-то из рассказывающих был не совсем адекватен, а другому просто померещилось, но, если свести все эти случаи воедино, то получается крайне неприглядная картина, кото-

рая, на мой взгляд, требует немедленного вмешательства с нашей стороны. Ну, что скажете?

Профессор остановился и перевел дух. Все молчали, пытаясь мысленно представить жуткую картину – неподвижно стоящих людей, смотрящих в пустоту.

– У нас есть предположения о том, что могло спровоцировать эти явления? – прервал молчание Игорь.

– Кое-какие предположения имеются, – Михаил Александрович поднял толстую папку, лежавшую у него на коленях, и положил на стол.

В папке лежали листы бумаги, судя по качеству печати, напечатанные на обычном цветном принтере. Профессор вынул сразу несколько листов и разложил их на столе перед нами, все молча изучали увиденное. Собственно, ничего необычного на распечатанных фотографиях я не заметил – на фотографиях было видно старую деревянную церквушку, расположенную на фоне редколесья.

– Это тот самый поселок Першино, – пояснил Семенихин, – фотография сделана еще до войны, примерно 1930 – 1940 годы. В каком году была построена эта церковь, пока выяснить не удалось, собственно, как и установить точную дату, когда было основано Першинское поселение, но вот что важно, – профессор вынул из ящика стола большое увеличительное стекло на толстой, блестящей ручке и протянул его нам, – вот, возьмите и взгляните сами.

Антон сидел ближе всех к профессору и первым завладел

увеличительным стеклом. Он долго рассматривал распечатанный снимок, морща лоб и щура левый глаз, наконец сдался, – а что мы ищем?

Профессор поморщился, несколько раздосадованный невнимательностью Антона, видимо он хотел, чтобы мы сами сделали вывод, не подверженные влиянию чужого мнения. Он обвел небольшой участок на распечатанном фотоснимке, и постучал по нему карандашом, – Смотри сюда, Антоша, что ты видишь?

Мы с Игорем переглянулись, пытаясь подавить улыбки, Костик выпучил глаза и попытался надуть живот. Антон немного покраснел. Была у профессора такая привычка – когда он хотел что-либо объяснить для студентов, так сказать – натолкнуть на мысль, он забывался и называл уточняемый материал, названия научных терминов и самих студентов уменьшительными именами. Порой это выходило очень забавно, особенно учитывая тот факт, что в остальное время профессор со студентами держался с присущим ему уважением, в разговоре часто переходил подчеркнуто-вежливо на имя – отчество.

Антон, видимо, еще не успел познакомиться с этой чертой характера Михаила Александровича. «Ну и кто теперь здесь лишний?» – ехидно подумал я. Впрочем, Антон быстро справился со смущением и разглядев что-то, ответил, – похоже на дверь, на боковой вход!

– Верно, – закивал Семенихин, – только вот тут, – он

порылся среди бумаг, разложенных на столе, и вынул нужную, – это план здания. И вход тут один, ни каких боковых дверей на плане нет!

– И что с того? – Антон был упрямым, – этому плану уже черт-знает сколько лет, да и нарисован он, судя по всему, от руки. Без печати. Что это вообще за документ, как таковой? Мало-ли кто его чертил, могли просто забыть.

– Могли и забыть, – согласился профессор, – это самые старые фотографии нужного нам здания, которые мне удалось найти. Соглашусь, и качество снимков тут оставляет желать лучшего, и с этого ракурса невозможно понять – дверь ли это, а если дверь, то куда ведет?

Увеличительное стекло осталось у Антона, а несколько листов с распечатанными фотографиями перешли на наш диван. Профессор извлек из папки другие листы и разложил их на столе, – а теперь что ты скажешь?

Антон снова принялся разглядывать снимки.

– Это уже послевоенные фотографии, – пояснил профессор, – 1949 год, это точная дата. За годы войны поселок был почти подчистую разрушен, но кое-что все же осталось. Это та же церквушка или часовня, не знаю, чем это здание в те годы считалось, на фотографии видно, что оно тоже пострадало. Вот тут, – профессор ткнул карандашом на обломки, запечатленные на фотографии, – был предбанник, то есть, вход в часовню. И где-то здесь, – он обвел круг на пустом месте снимка, – в довоенные годы была та дверь, о которой

мы с тобой, Антон, спорили. А теперь что ты видишь?

Антон снова прищурил глаз и всмотрелся в снимок. В общем-то, я и со своего места видел, что на распечатанном изображении был подвал, заваленный обломками досок, видимо разлетевшимися от взрыва. У подвала были слишком прямые стены, последнее не оставляло сомнений – это был именно подвал, или погреб, вырытый человеческими стараниями, а не яма, в виде воронки от снаряда.

– Я думаю, что та дверь, – профессор указал карандашом в сторону первых снимков, которые теперь разглядывал Игорь, – вела в подвал, а подвал, в свою очередь, вел под церковь, и построено все это было еще в дореволюционные годы. А теперь самое интересное, что мне удалось выяснить по этому вопросу! Я покопался в городском архиве, мне разрешили ознакомиться с теми документами, которые по сей день лежат под грифом «совершенно секретно». Так вот, фотографии с этих документов делать строжайше запретили, но от руки я их переписал. Это записи НКВД, слышали о таком? – так вот, здесь говорится про 1942-ой год.

Зачитывая чужие заметки, профессор сменил интонацию и тембр голоса, наверное, так и нужно читать военные донесения. – Двадцать второе октября тысяча девятьсот сорок второго года. В восемнадцать часов ровно. Немецкая артиллерия обстреляла северо-западный участок в двадцати километрах от линии фронта. В восемнадцать часов сорок минут этого дня авиация противника совершила бомбарди-

ровку восточной линии фронта. В поселении П. сто пятьдесят девятая стрелковая дивизия понесла значительные потери. Есть погибшие и раненые среди гражданского населения. Разрушено здание школы и сельсовета. Госпиталь не пострадал. В девятнадцать часов сорок минут младший лейтенант государственной безопасности Бойстрюк А.В. в ходе совершаемого обхода близлежащей территории обнаружил здание заброшенной часовни. Рядом со здание есть воронка от взрыва, вызванная авиационным налетом противника. Само здание не пострадало. В ходе проведения работ по расчистке входа в здание был выявлен подземный туннель. Глубина туннеля не превышает восьми метров. В виду отсутствия осветительных приборов, выяснить продолжительность туннелей и их назначение не представляется возможным. Укрепительные элементы у входа в туннели выглядят надежными. В виду изложенного, принимаю решение с двадцать третьего октября тысяча девятьсот сорок второго года использовать часть подземных туннелей под склад с боеприпасами. Младший лейтенант государственной безопасности Бойстрюк А.В.

Профессор закончил чтение и поднял глаза, изучая нашу реакцию. Все слушали неподвижно, лично я всегда относился с уважением и даже с благоговейным трепетом, слушая рассказы про военные годы или рассматривая фотографии времен войны, а тут был отрывок из официального военного донесения, да еще из такого, которое хранится под гри-

фом «совершенно секретно», и было прочитано считанными людьми. Судя по реакции ребят, они испытывали теже чувства.

Молчание нарушил Костик, высказав общие мысли. – Да, нелегко, видно, было ребятам. Обстрелы, бомбежки, раненые, погибшие. И как они в этом туннеле ориентировались, если фонарей не было, с факелами ходили, что ли?

По всей видимости, профессор дождался нужной реакции и продолжил чтение уже с другого листа.

– Двадцать пятое октября тысяча девятьсот сорок второго года. Время – шестнадцать часов сорок пять минут. Боеприпасы и сух паек полностью перенесены в подземное хранилище, найденное ранее. Условия хранения – сносные, в помещении сухо. Наблюдаются странности с температурой воздуха внизу. Вход в подземное хранилище заложен досками. Сверху досок, с целью маскировки, наложен сухой валежник. Вход закрыт не герметично, тем не менее, температура внизу, приблизительно, на десять градусов теплее температуры воздуха на поверхности. У входа сквозняка не наблюдается, из чего можно сделать вывод, что другие входы в подземные тоннели полностью завалены или отсутствуют, как таковые. У спуска в хранилище дежурят двое часовых. Смена караула происходит каждые восемь часов. Один из караульных, несших вахту в ночные часы, услышал внизу подозрительные звуки. Спустившись вниз, дежурный караул не обнаружил постороннего присутствия и пропажи хра-

нившегося. На тот момент я не придал донесению караульных должного значения. Днем позже четверо солдат под командованием старшины Ефремова проводили инвентаризацию склада, солдаты докладывали о странных звуках, свидетельствующих о наличии в подземном туннеле посторонних лиц. Старшина Ефремов подтвердил показания рядовых о том, что из глубины тоннеля были слышны звуки, похожие на шарканье ног, а несколько раз все присутствующие внизу слышали доносившийся из темноты монотонный шепот. Пройдя вглубь тоннеля метров на сто, старшина Ефремов обнаружил ответвления от основного тоннеля. Ввиду невозможности исследовать туннели целиком, а также ввиду невозможности исключения нахождения в лабиринтах тоннелей посторонних лиц, мной было принято решение усилить караул, выставив дополнительную охрану в составе двух бойцов внизу спуска в тоннель. Для круглосуточного освещение припасов будет использован костер из валежника.

Младший лейтенант государственной безопасности Бойстрюк А.В.

Профессор снова перевел взгляд на нас, но на этот раз промолчал даже Костик, и Михаил Александрович продолжил чтение.

– Первое ноября тысяча девятьсот сорок второго года. Шестнадцать часов ровно. Сегодня утром, ввиду ухудшений погодных условий, связанных с понижением температуры

воздуха, а также ввиду участившихся осадков в виде мелкого снега и продолжительных ливней, сопровождаемых резкими порывами ветра, старший военфельдшер Самсонов предложил переместить раненых в помещения подземных туннелей и в дальнейшем оборудовать в нем лазарет. Предвижу затруднения, связанные с отсутствием света, но в целом предложение дельное. Сегодня же вечером планирую взять с собой двух бойцов и изучить куда ведут ответвления тоннелей.

Младший лейтенант государственной безопасности Бойстрюк А.В

Семенихин отложил в сторону прочитанный лист бумаги, и взяв в руки новый, продолжил чтение.

– Четвертое ноября тысяча девятьсот сорок второго года. Шестнадцать часов сорок пять минут. Каждая смена часовых, карауливших подземное складское помещение, докладывает о звуках шагов, раздающихся из темноты, а также о голосах, которые стали громче. Слов никто разобрать не может, рядовые докладывают о том, что слова и обрывки фраз звучат не на русском языке, но на немецкую речь тоже не похожи. Рядовой Костроменко до мобилизации работал школьным учителем. В совершенстве владеет английским и немецким языками, немного говорит на итальянском. Рядовой Костроменко, прошлой ночью охранявший склад, смог расслышать обрывки фраз, произносимых неизвестными лицами. Докладывает, что слова по интонации похожи на ита-

льянскую речь, но итальянским языком не являются. В ходе проведения беседы в форме опроса рядового Костраменко, мной был подмечен тот факт, что рядовой имеет свою точку зрения, касательно странных голосов, слышимых в подземных тоннелях, но не хочет ее высказывать вслух. В ходе приватной беседы с рядовым Костроменко, от него был получен ответ, что обрывки фраз, которые он слышал под землей, по его мнению, были похожи на латынь. Не возьму в толк, что делать с полученной информацией.

Младший лейтенант государственной безопасности Бойстрюк А.В.

Профессор поднялся из-за стола и прошел в дальний конец комнаты. Войдя, я не заметил сразу – половину комнаты от вошедшего загораживали два аквариума на высоких тумбах – в дальнем конце помещения располагалось две двери и небольшой стол перед ними. На столе стоял кулер с водой и нечто, по форме напоминающее кофеварку. А две двери – наверняка туалет и ванная, – «удобно устроился Михаил Александрович, во второй раз подумал я».

Налив в чашку воды из кулера, профессор обернулся к нам, – ребята, я забыл вам сразу предложить, тут есть кофе и чай, никто не желает?

Я бы не отказался от кофе, поскольку дома не успел его выпить, но все дружно покачали головами, и я постеснялся спросить.

Выпив воды, Михаил Александрович вернулся к нам и за-

нял свое прежнее место рядом с Антоном.

– Шестое ноября тысяча девятьсот сорок второго года. Двадцать два часа ровно. Сменившийся караул доложил о необъяснимом явлении, произошедшим за время несения дежурства. Караульные, стоявшие на часах в нижнем спуске тоннелей, видели в свете костра несколько неясных фигур. Фигуры были похожи на людей, но людьми не являлись. Фигуры появились из темноты туннелей и некоторое время держались на отдалении. Затем, по донесению часовых, фигуры приблизились к свету костра. Они имели человеческие очертания с размытыми лицами и контурами тел. На окрик часового: «стой кто идет?!» неопознанные лица не отреагировали, на повторный окрик: «стой! Стрелять буду!» неизвестные также не остановились. Часовые произвели три выстрела. По их словам, два из них прошили насквозь одну из фигур и срикошетили от противоположной стены. Увидев, что применение оружия не возымело эффекта, а также учитывая полученную временную контузию от стрельбы в закрытом помещении, нижние часовые поднялись наверх. С их слов, часовые на верху стояли по своим местам у замаскированного спуска в туннели, но никаких выстрелов не слышали. Мое мнение: не услышать выстрел с такого расстояния невозможно, а судя по найденным гильзам и отверстиям в противоположной стене, часовые из нижней охраны произвели, действительно, три выстрела. Рядовые Бурцев и Касевич, несшие вахту у спуска в бункер, доложили, что выстре-

лов не слышали и не слышали криков с низу, когда два бойца звали подмогу. Они увидели, как рядовой Сысоев поднимается вверх по ступеням и открывает рот, но они не слышали не только никаких слов, но даже шума шагов, который также должен был присутствовать в замкнутом пространстве тоннеля. Как я уже писал ранее, принял решение исследовать тоннели лично. Займусь этим завтра же.

Младший лейтенант государственной безопасности Бойстрюк А.В.

Не делая паузу, профессор взял со стола новый лист бумаги.

– Пятнадцатое ноября тысяча девятьсот сорок второго года. Время после полудня. Артиллерийские обстрелы возобновились, но с воздуха не бомбят. Видимо, немцы уже совсем близко. Небось, боятся по свои попасть, гады. Неделю назад при осмотре подземных тоннелей пропал младший лейтенант Бойстрюк с двумя рядовыми – Симоновым и Михайловым. Наружные часовые доложили о том, что упомянутые трое спускались в нижнее складское помещение. Двое солдат, дежуривших внизу, подтвердили, что видели Бойстрюка, Симонова и Михайлова, уходящих с факелами вглубь тоннелей. Спустя четыре часа караул начал волноваться и доложили мне о том, что ушедшие назад не вернулись. Криков и выстрелов, доносившихся из тоннелей, караул не слышал. Не представляю, что там могло случиться с тремя вооруженными людьми. Заблудились они, что ли?

Шестью часами позднее того же дня военфельдшер Самсонов раздобыл где-то у деревенских старый железнодорожный фонарь, по виду еще с царских времен. За неимением лучшего, я взял этот фонарь, а также фельдшера Самсонова, так как пропавшим могла понадобиться неотложная медицинская помощь, и сержанта Закипова с тремя рядовыми. Вшестером мы около четырех часов обследовали глубины тоннелей. В нескольких ответвлениях от главного тоннеля (прямой проход, ведущий от спуска вглубь, буду считать за главный) мы обнаружили необычные медицинские койки со старинными креплениями. Койки были не лежачими, а закрепленными в сидячем положении с вытянутыми ногами. Черт его знает, для чего стоит этот хлам… На одной из коек нами был обнаружен младший лейтенант Бойстрюк, с открытыми глазами, но в бессознательном состоянии. Видимых повреждений военфельдшер Самсонов не выявил. Дальнейшие поиски двух пропавших рядовых успехом не увенчались. По возвращению мы обнаружили двух часовых, дежуривших на складе, в таком же состоянии, как лейтенант Бойстрюк. Повторяю, четыре часа назад я лично их опрашивал в связи с исчезновением Бойстрюка. Ранений и побоев на часовых не обнаружено, оружие оставалось при них. Самсонов выдвинул гипотезу о том, что в тоннелях есть подземные газы, которые пагубно сказываются на здоровье людей. Я в это не верю. На всем протяжении поисковых работ, я лично слышал неясные отдаленные голоса. Иногда мне

казалось, что голоса шепчут прямо у меня за спиной, но всякий раз, оборачиваясь, я видел пустой коридор. Черт его знает, что творится в этих тоннелях… Завтра же дам команду вынести все имущество, хранимое на складе, и убрать караул. Что делать с Бойстрюком не знаю. Помещен в лазарет под наблюдение Самсонова.

Конец рапорта.

Старшина Ефремов.

– На этом внятные пояснения заканчиваются, – профессор смотрел на нас поверх очков, внимательно вглядываясь в глаза каждого из присутствующих, он говорил своим обычным, хорошо поставленным, неторопливым баритоном, – по этому вопросу я зачитаю еще несколько донесений, которые мне удалось раскопать в государственном архиве, но дальше все написано сбивчиво и в спешке. Джентльмены, а может быть еще кто-нибудь, кроме меня, желает выпить чайку? Константин, не сочтите за труд, я по глазам вижу, что Максим бы не отказался. Посмотри, в холодильнике есть колбаса и батон, увидел? Тогда и бутерброды нам нарежь, пожалуйста.

– На всех, Кость, мы с Игорем тоже будем! А зачем батон-то в холодильник прятать? – поинтересовался Антон.

Профессор в ответ лишь хитро прищурился и продолжил чтение засекреченных военных рапортов из архива.

– Двадцать второе ноября тысяча девятьсот сорок второго года. Десять часов утра. Младший лейтенант Бойстрюк

пришёл в сознание. Если то состояние, в котором я его наблюдал вчера вечером, можно назвать сознательным. Большую часть адресованных ему вопросов младший лейтенант игнорирует, на свое воинское звание не отвечает. Бойцы радуются возвращению лейтенанта в строй, проходя мимо него улыбаются и отдают честь. Бойстрюк смотрит на них отсутствующим взглядом, на приветствия не отвечает. Днем ранее караул, дежуривший у бывшего расположения подземного склада, (сам склад ранее был перенесен от греха подальше) услышал из темноты туннелей шарканье и бормотание, а несколькими минутами позже был обнаружен рядовой Симонов, пропавший ранее вместе с лейтенантом Байстрюком. Рядовой Михайлов по-прежнему не найден. Спустя шесть часов от времени обнаружения Симонова, рядовой Костраменко был обнаружен своими товарищами лежащим на койке и не реагирующим на приказы. Старший военфельдшер Самсонов, после осмотра рядового Костраменко, доложил, что у последнего присутствуют все признаки жизни: дыхание, пульс, сердцебиение, но отсутствует всякая реакция на внешние раздражители: зрачки не реагируют на свет, пальцы не реагируют на покалывание. По словам Самсонова, данное состояние похоже на летаргический сон. Самсонов выдвинул (повторно) предположение о том, что в подземных туннелях присутствует скопление опасного газа. Но это не объясняет почему из всего караула, дежурившего более двух недель к ряду в подземном складе, пострадал только рядовой Костра-

менко. Жаль, что это именно он, это единственный человек на весь отряд, говорящий на немецком.

Конец рапорта.

Старшина Ефремов.

– Двадцать четвертое ноября тысяча девятьсот сорок второго года. Лейтенант Бойстрюк ведет себя странно. Не могу объяснить… он, как будто, многие вещи видит впервые в жизни. Например, днем ранее он попросил жестами (в словах он путается, а в лексиконе присутствуют много чужеродных слов. Жаль нет Костраменко, он бы, наверное, смог разобрать) рядового Сафонова, дежурного по лазарету, отдать ему автомат. Рядовой Сафонов дал автомат в руки лейтенанту. Во время рассматривания оружия, лейтенант Бойстрюк непроизвольно допустил выстрел в ногу рядовому Сафонову. Прибежавший на место происшествия военфельдшер Самсонов оказал раненому первую помощь и пояснил, что пуля прошла вскользь, не задев мышц и, тем более, кость. У Бойстрюка был растерянный вид (я первый раз вижу его в таком состоянии). Позже мы беседовали со старшим фельдшером Самсоновым, он поясняет состояние младшего лейтенанта Бойстрюка, как шоковую реакцию на стресс. Я в этом сильно сомневаюсь. Я знаю Бойстрюка почти шесть месяцев и, по моему мнению, на стресс реагируют скорее все остальные при общении с ним, чем сам лейтенант Бойстрюк. Самсонов также доложил мне о аналогичных случаях, как у лейтенанта, произошедших с несколькими деревенскими

жителями. Я человек простой, не верующий, но здесь творится какая-то чертовщина. И вызвана она, по моему мнению, открывшимся проходом в эти проклятые подземные тоннели. Кому и на кой черт понадобилось копать все это, еще и под часовней? И как объяснить наличие железных коек с ремнями, найденных в одном из подземных тоннелей? Я принимаю решение взорвать и завалить проход в подземные тоннели.

Пост Скриптум. Поступил приказ о передислокации. Уже к концу недели мы покинем это проклятое место.

Конец рапорта.

Старшина Ефремов.

Пока Михаил Александрович дочитывал выписки из рапортов, Костик успел налить чай в пять кружек и соорудить гору бутербродов.

– А дальше что? – спросил он

– А дальше была война, – мрачно ответил Антон, жуя бутерброд.

– Мрачная, но уместная ирония, – прокомментировал профессор слова Антона, дуя на кружку с чаем, – что случилось потом с этими людьми и как сложилась их судьба нам неизвестно, как неизвестно и то, что случилось с рядовым Михайловым. Навряд ли его кто-то искал, да и мало вероятно, что в те годы кто-то обратил внимание на эти рапорты, которые я вам зачитывал. Тогда война шла, люди гибли, не до загадок им было.

Михаил Александрович снова достал какие-то бумаги из своей папки. В отличии от предыдущих листов, это оказались газетные вырезки.

– А вот теперь более свежие и более древние новости. Это, как вы видите, вырезки из газетных заметок. Да-да, опять в том же архиве. Есть там местная газета, называется «Ленинский завет». Издается она с 22 сентября 1918 года. Я нашел в архиве ранние статьи, напечатанные в газете. События, которые нам предстоит расследовать, берут свое начало еще до войны. Да чего-там до войны, они еще до революции начались. Вот, – профессор продемонстрировал нам фотографию старой газетной страницы, как по мне, так там еще и шрифт читался замысловато, с неуместными твердыми знаками, – сама статья в газете, – продолжил говорить профессор, – напечатана 3 сентября 1924-ого года, но события, о которых идет речь, судя по этой статье, начались и происходили с мая 1904-го года, примерно, по декабрь 1908-го года. Про само поселение в статье не говорится, поэтому не берусь утверждать, что тогда в самом поселении было, но пишут, что там некий монастырь стоял, а при монастыре была лечебница. Точно, опять-таки, не указано, но можно догадаться, что в этой лечебнице находились душевнобольные. Я не смогу ответить на вопрос – «откуда у меня такие сведения» – скажу честно, что из неофициального источника… пока не готов рассказать подробней. Так вот, этот источник поделился информацией, что в той больнице находились не простые па-

циенты, а те, которые не поддавались стандартным методам лечения, каковые в то время вообще могли применяться к больным. Среди них попадались и такие, которые могли, подобно тараканам, лазить по стенам. Другие пациенты могли своим взглядом свести с ума, их даже монахи боялись, таких в специальных закрытых камерах держали, полностью изолированных от света. Источник также сообщил, что среди монахов, что за больными присматривали, бывали случаи беспамятства и суицида, ибо основная часть лечебницы под землей располагалась, непосредственно под стенами самого монастыря, и крики в подземных коридорах раздавались не человеческие. Этих сведений я, к сожалению, подтвердить не могу, но вот что совпадает с моим источником, так это наша газетная статья. Сейчас, подождите… ага, вот! Слушайте – 16 декабря 1908 года в стенах лечебницы вспыхнул пожар. Пожар произошел ночью, точнее тут не указано, но сказано, что несколько братьев из монастыря пытались спуститься вниз и спасти душевнобольных. Безуспешно… Когда послушники спустились под землю, там уже вовсю бушевал пожар, выживших не оказалось. Среди монахов тоже есть жертвы пожара, тут указано, что огонь унес жизни двоих братьев. Я так понимаю, что после этого пожара восстанавливать в монастыре было нечего, и его просто забросили. Позже первые поселенцы растаскали доски и кирпичи и, частично из них, построили свои жилища. Так от монастыря совсем ничего не осталось. Несколькими годами позднее

местный поп, отец Игнат, скромными силами своего прихода возвел на месте монастыря маленькую часовню, видимо, над тем самым местом, где раньше подземный ход находился. Помнишь, Антон, я все-таки думаю, что та дверь вела в подземные ходы, о которой мы с тобой по первым фотографиям спорили? Так вот, – продолжил профессор, – приход частично разрушили, прошел слух среди местного населения, что это монахи из монастыря устроили пожар, чтобы не слышать по ночам душераздирающих криков душевнобольных. Может быть так оно и случилось, а быть может – и нет, этого мы никогда не узнаем, но что нам доподлинно известно – так это то, что местные жители, после таких слухов, стали враждебно к священнослужителям относиться. Ну, оно и не мудрено, это же послереволюционные годы, когда народ и партия, партия и народ. Рабочие и крестьяне, ну и опиум для народа, – улыбнулся профессор, – в общем, с тех пор это место, то есть часовня, заброшена оказалась. А потом… можете взять те фотографии, которые я вам в начале показывал? Кстати у кого они? У тебя, Костя? Ну ребята, ну что ж такое?! Ну кто бутерброды на фотографии поставил? Я же старался, работал, искал все это, в пыльном архиве сидел, ну имейте же совесть! На них пыль и миллионы микробов из архива, а ты, Костя, положил туда бутерброд и теперь его ешь.

– Кстати, а микробы могут заразиться? – спросил Антон, глядя, на Костика.

– Я серьезно, ребята! – но Михаил Александрович тоже улыбался, – так вот, про фотографии, недавно там какое –то строительство затеяли местными силами и, видимо, откопали то, чего не стоило откапывать. С тех пор в поселке начались странные события, которые нам с вами предстоит разъяснить.

– Как всегда – понять и предотвратить! – вытянулся по стойке смирно Костик.

– И самое главное – все это нужно сделать очень оперативно, – закивал Семенихин, – есть версия, опять-таки от моего источника, что события в скором времени могут принять очень нежелательный оборот. Я бы добавил – катастрофический оборот, если мы немедленно не вмешаемся и не остановим все это.

– Выезжаем завтра? – Игорь заговорил впервые за весь вечер.

– Нет, думаю, что до завтра не успеем собраться. Боюсь, что и послезавтра не выйдем, – добавил профессор, – нам, то есть мне, нужно еще кое-что сделать…

Профессор посмотрел на часы.

– Ого! Засиделись мы, однако! Думаю, на сегодня достаточно. Антон, подвезешь ребят по домам, или такси вызвать?

– Подвезу, – мрачно кивнул Антон.

– Хорошо, что Антоха с радостью согласился нас подвести, – вставил Костя, – а я уж думал пентаграмму чертить… сто лет таксистов не вызывал.

Когда мы покинули дом профессора, мои наручные часы показывали половину двенадцатого. На улице стемнело, жара сменилась сыростью и прохладой. Большинство светофоров весело подмигивало желтым светом. По радио заунывно звучал саксофон, старые автомобильные динамики временами срывались на хрип, от этого звукового амбре у меня по позвоночнику расползались мурашки.

С переднего сиденья Костик весело подгонял запоздавших прохожих, переходящих дорогу в неподходящих местах. Его голос, комментирующий всякую ерунду, вносил живое разнообразие в монотонную ночную поездку, но вскоре он вышел. Поблагодарив Антона хлопком по плечу, Костя скрылся за зеленью тротуаров, дальше мы ехали молча.

Вскоре вышел Игорь, и в салоне повисло неловкое молчание, нарушаемое звуками встречных машин. Утешала мысль, что до моего временного жилья оставалось ехать не более пяти минут. Подумав об этом, в голове тут же мелькнула мысль – я не говорил Антону свой адрес, откуда он знает где я живу?

Как будто прочитав мои мысли, водитель спросил, – тут налево или направо? Мне Александрыч про тебя кое-что рассказывал, включая адрес, – пояснил он, поймав в зеркале мой удивленный взгояд.

Через несколько минут Антон высадил меня возле дома, на мои благодарности бросил, – угу, – и, развернувшись, уехал. Все-таки я определенно ему не нравился.

Батон встретил меня у входной двери, внимательно обнюхал туфли, весело виляя хвостом. Я насыпал в миску сухого корма, и кот отстал. Приготовив для себя яичницу с ветчиной, я включил телевизор. Не заметив в себе особого аппетита и не найдя ничего интересного в телевизоре, я отправился спать.

Впрочем, сна тоже не наблюдалось. Я ворочался с боку на бок, со спины на живот, пытаясь занять удобное положение, но что-то постоянно отвлекало. В зале, где я оборудовал свою берлогу, громко тикали настенные часы, хотя раньше не придавал этому значение. Из кухонного крана капала вода, телефон «блюмкнул» новым сообщением, когда я уже начал проваливаться в сон. Вероятней всего это было сообщение от Светки, мне захотелось встать и посмотреть, но вместо этого уже ехал на велосипеде…

Дорога убегала вниз и петляла между деревьями. Асфальт, который оставлял желать лучшего, временами и вовсе неожиданно обрывался, и узкие велосипедные колеса, гремя и позвякивая, тряслись по щебенке. Высокие тополя и клены, стоявшие вдоль дороги, заливали яркие лучи солнца.

Приходилось внимательно следить за дорогой, количество ям и колдобин на квадратный метр перекрывало все мыслимые масштабы, а ветви деревьев, низко и неожиданно появляющиеся над дорогой, то и дело пытались больно ударить по лбу. Но вот клены, заслоняющие нас от ярких лучей полуденного солнца, кончились, и все чаще стали попадать-

ся березы вперемешку с низеньким кустарником.

Исцарапанную спину начали весло палить и пощипывать озорные солнечные лучи. Ужасно хотелось пить, до боли в горле. Игнорируя жажду, мы во все глотки весело и звучно фальшивили песню – «и снится нам не рокот космодрома». Мы ехали втроем, было жарко и весело.

Во сне мне было снова девять, а рядом ехали Вовка и Виталик. Ребята были лет на пять постарше меня, в их компании я чувствовал себя крутым. Оставив родителей трудиться на дачах, мы погнали купаться на Погонное озеро. Не думаю, что озеро так и называлось, да если на то пошло, вообще не думаю, что эта лужа могла когда-либо называться озером, но вода в нем была теплой, а это было главное.

Озеро располагалось за военным полигоном, где высокие дядьки в пятнистой форме стреляли по мишеням из автоматов. На обратном пути мы решили спрятать велосипеды в лесу и ползком пробраться на стрельбище. Виталик сказал, что знает место, куда они выкидывают отработанные гильзы, а гильзы для пацанов имели вес дороже золота.

На озере ребята принялись кидать в меня тиной, весело брызгаясь и хохоча. Я боялся мерзких и противных жучков, сидящих на водорослях, и все равно был счастлив, что старшие приняли меня в свою компанию. На обратном пути Вовка рассказал слухи про соседнюю деревню Березовку. Эти слухи, кстати, он услышал от бабки Виталика, которую за неуемную говорливость окрестные дачники прозвали Трес-

куньей.

Вова слышал, как Трескунья рассказывала соседу про то, что – «в Березовке колдун уже вторую неделю переходит в мир иной, да только перейти-то так и не может, потому, что сила его не пусщает, ему сперва нужно свою силу приемнику передать. Да токма никакого приемника у него-то и нет. Ему над домом и крышу сняли, дабы он перейти мог, да только ничего не помогает.» – смеясь и шепелявя, Вовка изобразил бабку Виталика.

Ребята засмеялись, а вместе с ними и янеосознанно копируя взрослые привычки.

– А че? Давай заедем в твою Березовку, посмотрим на колдуна, заодно там и воды напьемся! – Предложил Виталик.

Мы с Вовкой дружно согласились. Деревня стояла в стороне от дачных поселков, путь до нее занял меньше часа. Доехав, мы первым делом бросились к ничейному колодцу, стоявшему чуть в стороне от въезда в деревню.

Ледяная вода ломила зубы и обдирала горло, но после двух часов езды под палящим солнцем, мы выпили по два черпака. От холодной воды на глаза Виталику навернулись слезы, и Вовка стал подшучивать над ним. Виталик облил его водой из ковша, а заодно и меня – чтоб не смеялся.

– Какого черта вы тут брызгаетесь? – позади нас неожиданно возник деревенский мальчишка.

Я испуганно попятился назад, незнакомец показался взрослым и невероятно высоким, но посмотрев на своих дру-

зей, с гордостью отметил, что Виталик на пол головы выше деревенского, а Вовка чуть ли не в двое шире в плечах.

– Слушай, а правда, что у вас тут колдун есть? – спросил у местного Вова.

– Ну есть, – не задумываясь ответил парень, и добавил, прищурившись, – а вам-то зачем?

– Спрашиваем – значит надо! – грубо отрезал Виталик.

Я снова испугался, что ответ спровоцирует драку между местными ребятами и моими друзьями, но деревенский мальчишка посмотрел на Виталика снизу-вверх, потом с уважением глянул на Вовкины мускулистые руки, и беззлобно ответил, – там, – указывая рукой себе за спину, – по дороге прямо проедете, а как магазин увидите, за ним налево сворачивайте. Слева будет луг, а справа дом колдуна, вы его сразу узнаете – большая хата, с выбитыми окнами и крыши нет.

Мальчишка хотел еще чего-то добавить, но вместо этого развернулся и ушел, неловко сутулясь и пожимая плечами. А я порадовался в очередной раз, что Вовка и Виталик приняли меня в крутую компанию. Мы выпили еще воды из колодца, после чего оседлали велосипеды и помчались вглубь деревни.

Магазин мы обнаружили без труда, к нему вели все сельские дороги. За магазином свернули налево, и за поворотом увидели луг. Стадо коров, жующих траву, нервно мычало и озиралось по сторонам, засмотревшись на животных, я едва не свалился с велосипеда.

– Вон тот, вроде? – Виталик с сомнением показал на заброшенный дом, с выбитыми окнами и отсутствующей крышей, видневшийся впереди.

– Похоже на то, – подтвердил Володька.

Мы двинулись дальше, оставив позади луг, и мычащее стадо. Остановившись на другой стороне улицы, напротив дома без крыши, слезли с велосипедов и оглянулись по сторонам. Мимо дома изредка проходили люди. Мне показалось, что многие из них нехотя косились на обветшалые стены, после чего прибавляли шаг.

Некоторые крестились, быстро шевеля обветренными губами. Но больше всего меня поразила женщина средних лет в неряшливом платье и ярко-желтом, канареечном платке. Она остановилась возле калитки, ведущей внутрь двора, опустила на землю тяжелые сумки, наскоро перекрестилась, и ни к кому конкретно не обращаясь, слезливо заголосила сбивчивой скороговоркой, – Да что же делается? Он всю жизнь людям помогал! К нему из соседних деревень приезжали. Скотину вылечить, от гадюки заговорить… никому не отказывал! А теперь мается, бедный. Дар принять некому…

Гражданка поправила свой ужасный платок, вытерла руки о подол платья, и зарыдала навзрыд. Потом вздохнула, снова перекрестилась, подняла с земли сумки и бегом умчалась прочь.

От этого зрелища, а в особенности от ее голоса, у меня на загривке волосы встали дыбом, показалось, что мои друзья

притихли и затаили дыхание. Виталик вжал голову в плечи и ссутулился, а Вовка вдруг похудел, и стал рассматривать ногти на пальцах.

– Ну что, посмотрели и поехали? – я попытался говорить, не выдавая того страха, который спиралью разжимался внутри меня.

– Ну уж нет! Зря мы, что ли, сюда ехали? – Вовка первым пришел в себя.

– Ага! Пошли, на колдуна глянем! – поддержал друга Виталик.

Мне было страшно до ужаса, но собрав силу воли в кулак, я перешагнул через калитку и направился к дому вслед за ребятами.

За порогом меня встретил пугающий полумрак. Несмотря на частичное отсутствие крыши – вместо нее зияли лишь кое-где сохранившиеся деревянные доски, и выбиты окна, внутри дома сгущалась неестественная темнота.

Я не сразу заметил одинокую койку, стоявшую посередине единственной комнаты – глаза сфокусировались на дюжине черных воронов, застывших на потолочных балках, и многочисленная стая черных котов, дежуривших на полу у железной койки. Над кроватью возвышался деревянный стол с грубо сколоченным деревянным стулом, иная мебель в доме отсутствовала.

Друзья остановились на пороге дома, так и не решившись войти внутрь. Кто-то из них резко выдохнул, после чего они

дружно попятились назад, я слышал позади себя быстро удаляющийся топот и хриплое дыхание.

– Заходи, раз пришел! – послышался властный голос, исходящий из затененной глубины. Голос прозвучал мощно и басовито, вне всяких сомнений, он принадлежал сильному, волевому человеку, привыкшему приказывать и повелевать.

И я вошел внутрь. Я не желал туда идти, хотелось развернуться и броситься прочь, догнать друзей, запрыгнуть на Вовкин велосипед, ставший моим на это лето, и убраться отсюда куда подальше. Но вместо этого, мои ноги нехотя перешагнули порог, и я оказался внутри дома.

Изнутри дом выглядел совсем иначе. Стол и стул, казавшиеся с порога маленькими и неприметными, теперь обрели вес и размер. Облезлые стены комнаты -еще минуту назад я готов был в этом поклясться – сияли ровным слоем штукатурки, окрашенной в приятный голубой оттенок. Но самое главное, эти стены упирались в крышу, а последняя снаружи точно отсутствовала.

Самого человека, пригласившего войти, я так и не увидел, хотя изо всех сил пытался его разглядеть. Мои глаза видели черных котов, среди которых спокойно сидела пара огромных псов, с острыми ушами, видели деревянные резные ножки кровати, но саму койку и человека, лежавшего на ней, скрывало плотное одеяло мрака. И вот из мрака протянулась рука, приглашая подойти недвусмысленным жестом, и снова властный голос произнес, – подойди ко мне! Забери мою

силу!

И снова ноги зашагали вперед, несмотря на то, что я панически боялся диких животных. Но вместо того, чтобы наброситься со всех сторон, терзая мое тело клыками и когтями, стая расступилась, образовывая проход. Я сделал несколько неуверенных шагов по импровизированному живому коридору, и наконец увидел саму кровать и человека, лежавшего на этой кровати.

На металлической койке, опершись на правый бок, возлежал высокий, широкоплечий старец. Войдя в дом, я ожидал увидеть его совсем иначе, но с двух шагов он не выглядел древним и больным, только черные и уставшие глаза выдавали в нем груз прожитых лет.

– Максим, – протянул могучий голос, безошибочно угадавший мое имя, – ты готов стать приемником?

Я почувствовал, что неведомая сила, заставившая меня перешагнуть порог дома, больше не властна над моим телом, мне представляли честный выбор. Я мог остаться, или уйти – вернуться к прежней жизни, или выйти отсюда другим человеком.

Я был полностью уверен, что мой уход не будет наказан бедами и прочие проклятьем. Наверное, именно свобода выбора и подтолкнула меня к тому, что я остался без сомнений и колебаний. Подойдя к кровати, я протянул детскую ладонь навстречу взрослой и могучей руке. Старик посмотрел мне в глаза и улыбнулся, накрывая мою руку широкой ладонью.

Он держал меня за руку и улыбаясь смотрел в глаза, никакого страха я не чувствовал. В тот момент я вообще ничего не почувствовал, лишь легкость и свободу, свободу и легкость. Наконец, колдун отпустил мою руку, – это все? – услышал я свой разочарованный детский голос.

– Все, – ответил старик, – езжай домой!

– А сила? Вы же обещали передать силу! – сконфуженно и обиженно произнес я.

– И ты ожидал ее сразу почувствовать? – старик рассмеялся громко и весело, – я понимаю, ты хочешь почувствовать Силу, узнать на что она способна, но все происходит совсем наоборот. Сначала Сила должна почувствовать тебя, узнать на что Ты способен.

Я вышел из дома колдуна, чувствуя себя маленьким, пустым и обманутым. Мой велосипед стоял на прежнем месте, а Вовка и Виталик уехали, не дождавшись меня. Это добавило последнюю каплю в переполненную чашу горести и обид, стараясь не пустить слезу, я сел на велосипед и поехал обратно по грунтовой дороге.

Оказалось, что друзья меня не бросали. Вовка и Виталик дожидались меня возле колодца. Я не ожидал увидеть их, и на полной скорости едва не проскочил мимо.

– Живой? – с испугом в голосе спросил Вовка.

– Уже хотели на помощь звать! – подтвердил Виталик.

– Живой, – уныло подтвердил я, – поехали домой?

И мы тронулись в долгий путь, возвращаясь обратно на

дачи. По дороге ребята пытались меня разговорить, узнать о том, что было в доме, но я чувствовал себя уставшим и злым, отвечал на их вопросы, но подробности не рассказывал.

Наконец друзьям надоело выпытывать детали, и они занялись любимым делом. Пристроившись позади моего велосипеда, Вовка весело горланил нараспев, – по кривой, извилистой дорожке ехал Ваня, Ваня казачок!

– Гоп-Гоп! – Весело выкрикивал Виталик каждый раз, когда мой велосипед подскакивал на ямах.

Этим летом я первый раз сел за руль, не считая детских лет на меленьком и четырехколесном велосипеде и водил его, если честно, так себе. А потому, постоянно выезжал на обочину, ловил колесами ямы и ухабы, и смешные куплеты, звучавшие всю дорогу, лишь изредка переключались на популярную песню ансамбля Земляне.

Проезжая очередной поворот, я попытался объехать лужу, непонятно откуда появившуюся на дороге в это жаркое и засушливое лето. Это был не сложный маневр, но я не учел скорость, и вместо того, чтобы плавно объехать лужу, круто вывернул руль вправо.

Велосипед на полной скорости полетел в сторону автомобильной дороги, по которой под горку катились зеленые жигули. Навряд ли водитель мог видеть велосипед и неуклюжие попытки выровнять руль и вернуться на обочину, но у жигулей завизжали тормоза и внезапно автомобильчик пошел юзом. Последнее дало мне время на беспрепятственное пе-

ресечение проезжей части.

Водитель жигулей – седобородый кавказец – лишь мельком глянул в сторону моих друзей, и испуганно забегал вокруг машины. Потом и вовсе встал на колени и принялся что-то высматривать под днищем жигуля.

Я остановился на другой стороне дороги, под корявыми ветвями дикой яблони. Вслед за мной, но уже более аккуратно, дорогу пересекли мои друзья. На бледном Вовкином лице, как два маленьких чайных блюдца, горели глаза, у Виталика отвисла челюсть.

– Ты что творишь, Макс? Он же тебя не видел! – с упреком обратился ко мне Вовка.

– Ага, не видел, но вовремя затормозил! – добавил Виталик, глядя в сторону водителя, стучавшего по колесам.

Вовка тоже оглянулся на водителя жигуленка, затем перевел взгляд на меня. Сперва у Володьки, а затем и у Виталика начала зарождаться пугающая мысль. Эта мысль отчетливо читалась в глазах друзей, ребята переглянулись и не сказав мне ни слова, молча сели на свои велосипеды. Посмотрев еще раз на озадаченного автолюбителя, я сел за на ободранный салют, автомобилист бормотал себе под нос, почесывая густую бороду.

Вместо слов до меня донеслось тихое мяуканье и что-то щекотно почесало нос. Я проснулся на своей постели, часы показывали половину четвертого утра. Батон терся мне о лицо и тихо мурлыкал. Следующий сон я не запомнил, но про-

валился в него еще до того, как успел перевернуться на другой бок.

Глава 4. Профессор

По мнению Семенихина, одним из самых подлых и коварных проявлений человеческой натуры было одиночество. Вопреки расхожему мнению, плотно укоренившемуся среди студентов и многочисленных знакомых, Михаил Александрович не ставил себя в ряды религиозных фанатиков. Будучи теоретиком по убеждению и историком по призванию, профессор обладал обширными знаниями, позволяющими ему с грациозной пунктуальностью принять или опровергнуть большинство фактов или домыслов той, или иной религии.

И несмотря на то, что большинство домыслов, по твердому мнению Михаила Александровича подтверждалось, религиозным человеком он не являлся. Впрочем, и к атеистам он себя не числил. Семенихин был сложным и многогранным человеком, одно слово – профессор. Но, даже люди науки не редко мучают себя религиозными вопросами.

У Михаила Александровича был свой вопрос, часто не дававший ему покоя – является ли одиночество грехом? Одиночество толкает людей на темные мысли и дурные поступки, заставляет прикладываться к бутылке и впадать в уныние. Выходит, что одиночество – это страшнейший грех человеческой натуры.

И вот, проводив гостей, профессор Семенихин неотвра-

тимо погружался в грех. Нет, он не прикладывался к бутылке и не вынашивал коварных планов, но плавное течение его мыслей темнело до неприличия.

При выезде на задание – профессор избегал называть работой вторую часть своей жизни, хотя и понимал, что в последнее время именно она брала верх над всей его многолетней преподавательской деятельностью – все становилось простым и понятным, а именно – что их команда в силах изменить, а что находится за гранью решаемого, во время работы все это приобретало очертание приемлемых факторов. Но только не на стадии планирования.

Во время планирование расследований Михаил Александрович пытался предусмотреть и продумать каждую мелочь, каждый шаг при проведении расследования, хотя и понимал, что в области паранормального планировать наперед – просто абсурд.

Но как главный и единственный организатор команды, он должен был хотя бы попытаться взвесить все риски и последствия заранее. А риски были, не говоря о последствиях.

При предыдущем расследовании команда охотников за призраками допустила серьезный просчет, нарушив целостность дома и эта ошибка едва не стоила жизни хозяину дома. Михаил Александрович содрогнулся, вспомнив при каких обстоятельствах и в каком состоянии врачи забрали последнего клиента, который обратился к нему за помощью.

– «Не последний, а крайний», – тут же мысленно попра-

вил себя профессор. И в данном случае все было понятно – для команды охотников за призраками суеверие шагало в ногу с реальностью.

– Интересно, кто из ребят выдумал эту традицию? – улыбнувшись задал себе вопрос профессор.

Он часто разговаривал сам с собой и мысленно, и вслух, не стесняясь и не замечая в этой привычке старого холостяка ничего предосудительного. – Да-да, я всегда люблю поговорить с умным человеком! – отшучивался Семенихи, когда кто-то из студентов интересовался, – с кем это беседует профессор в пустом кабинете?

И снова волнение в ожидании предстоящего выезда выбило профессора из светлой колеи. Что может пойти не так? – вопрос повис в воздухе, словно Дамоклов меч. Михаил Александрович вынул из ящика стола три фотографии на которых были запечатлены члены его команды.

Узнав о том, что их фотокарточки хранятся у профессора в столе, ребята бы сильно удивились и наверняка списали это на старческую сентиментальность профессора. И сильно бы ошиблись, ибо к области чувств эти фотографии не имели никакого отношения, скорее наоборот – это действие было исключительно для разумного восприятия действительности.

Несмотря на то, что Семенихин отлично знал свою команду, каждый раз при планировании нового выезда, глядя на фотографии своих ребят, он мог с большой точностью спро-

гнозировать как далеко может зайти каждый из членов его команды. Михаил Александрович не сомневался в своих ребятах, все они были смелыми и проверенными специалистами в своем деле, но, даже у проверенных спецов есть свой предел.

А предвидеть – как далеко может зайти каждый из членов команды при определенных обстоятельствах и было наиглавнейшей задачей профессора, тем, что он понимал под определением «планировать выезд на задание». Откинувшись в кресле, Михаил Александрович прикрыл глаза и снова углубился в воспоминания…

Перед мысленным взором профессор снова увидел большое трёхэтажное здание с высокими потолками, некогда принадлежащее особе царских кровей, а теперь используемое под нужды одного из образовательных учреждений города. Свежевыкрашенный фасад здания хвастал замысловатой лепниной и несколькими огромными колоннами, подчеркивавшими былое величие и значимость.

И все это в лучах яркого солнечного света вызывало вдохновение и восторг в глазах у любого прохожего. Но войдя в это здание, у всей команды охотников за призраками восторг быстро сменился тоской и угнетением. Обреченность – вот, пожалуй, первое, что почувствовал профессор, когда за его спиной захлопнулись наружные двери, отделивших его команду от яркого полуденного солнца.

И это чувство глубокой и безнадежной обреченности не

смогли развеять ни пестрые репродукции известных художников, украшающие в золотистых рамках все внутренние стены здания, ни яркий электрический свет, льющийся из многочисленных всевозможных светильников.

– Франкенштейн в костюме от Гуччи! – так, кажется, пошутил Антон, глядя на внутреннее убранство интерьера.

И хотя Антон шутил редко и неумело, даже Константин с уважением посмотрел на него. Разукрашенный Франкенштейн – лучшего определения не смог подобрать, даже сам профессор.

Уже после нескольких шагов от входной двери в глубину здания, сделанных в любом направлении, чувствовались тревога и усталость, а дальше в коридорах начиналась откровенная чертовщина. На верхние этажи вели две широкие лестничные площадки, расположенные, соответственно, в левой и правой частях здания.

– Если идти по первому этажу к правой лестнице… многие ученики жаловались на головные боли и мысли о суициде. Я не верю во всякие предрассудки, но должен признать, что что-то определенно-неправильное там есть. Возможно, это связано с тусклым освещением в данной конкретной части коридора, возможно, это вызвано неправильным ступенчатым углом, под которым коридор заворачивает к лестнице, но даже мне неуютно в этой части здания, особенно в вечерние часы, – нехотя пояснил высокий директор учебного заведения, представившийся им, как Сергей Теймуразович.

Выразительное лицо директора подтверждало его неверие в сверхъестественные силы, а также выражало сильные сомнения в необходимости присутствия здесь профессора Семенихина с его командой по расследованию паранормальных явлений. А мимика и жесты, присущие человеку, измученному мигренью, очень красноречиво говорило, что была б на то его воля, ни о каком расследовании сверхъестественной активности здания и речи бы не шло.

Но Михаил Александрович прекрасно понимал, что воли Сергея Теймуразовича на то нет, а есть команда очень высокопоставленного лица в администрации города, и директор института, вне зависимости от своих принципов и убеждений, был обязан подчиниться ей.

Проигнорировав все колкости и намеки в адрес своей команды, профессор Семенихин получил для себя все необходимые материалы для расследования и чертежи здания. Наконец, полностью смирившись с неизбежностью проведения расследования паранормальной активности, в стенах вверенного ему учебного учреждения, Сергей Теймуразович сухо и сжато дополнил от себя полноту картины.

– Три месяца назад это случилось, на уроке физики, – акцент, появившийся в голосе рассказчика свидетельствовал о том, что говорить это ему до крайности неприятно, – причем случилось с тем человеком, которого я знаю лично уже много лет, и более того, считаю своим другом. Человек это очень спокойный и уравновешенный, у такого можно будди-

стам уроки примирения с бытием брать. Обычный урок физики, учитель…

Пауза, взятая Сергеем Теймуразовичем не ускользнула от профессора, директор умышленно не назвал фамилию учителя, ставшего виновником неприятного инцидента.

– Обычный урок физики, – продолжил рассказывать директор, – ученик отвечает у доски домашнее задание. Учитель понимает, что ответ заучен наизусть, но данную тему студент не усвоил, и пытается построить дальнейшее общение в форме диалога, как и подобает хорошему преподавателю. Но дальше произошло нечто такое, чего никто не ожидал. Не найдя нужных слов для пояснения предмета домашнего задания, опытный и уравновешенный преподаватель со словами: «ах ты тупая скотина» наотмашь ударил ученика кулаком в лицо, сбив парня с ног и сильно разбив губу. И все это произошло на глазах у всего класса, – сокрушался Сергей Теймуразович, как будто наличие или отсутствие свидетелей, могло как-то повлиять на картину в целом.

С этим инцидентом Михаил Александрович ранее уже познакомился, планируя выезд на задание, и изучая сопутствующие материалы для расследования. По данному факту против учителя было возбуждено уголовное дело, которое позже, по обоюдному согласию пострадавшей и виновной сторон, было прекращено, видимо, не без вмешательства директора института – отметил для себя профессор.

Как было отмечено в протоколе позднее, со слов виновни-

ка, коим оказался Балиев Сергей Михайлович, – «Я никак не могу прокомментировать свой поступок, ума не приложу что на меня нашло». Поскольку, этот случай остался единственным случаем применения насилия учителя по отношению к учащемуся, уголовное расследование не стало копать глубже и ограничилось обследование психического здоровья С.М. Балиева, но Михаил Александрович потрудился собрать воедино все звенья мозаики.

Подобные случаи нередко проходили и среди учеников, которые также, как и несчастный Балиев, в последствии не могли объяснить свою агрессию по отношению к окружающим. И самым главным аргументом, заставившим профессора Семенихина незамедлительно приступить к расследованию паранормальной активности здания, был тот факт, что большинство посетителей учебного заведения жаловались на внезапные головные боли, слабость и навязчивую мелодию, звучащую в голове.

Несмотря на все протесты и скептицизм Сергея Теймуразовича, учебное заведение временно прекратило свое функционирование, учащихся частично разбросали по другим колледжам с сопутствующей программой обучения, и команда профессора приступила к исполнению своих обязанностей.

Михаил Александрович, тщательно изучив схему здания, а также приняв во внимание рассказы учащихся и учителей о неблагоприятных проявлениях в тех или иных местах зда-

ния, выбрал особенно опасные участки и отметил их в схематическом варианте. Руководствуясь схемой, составленной профессором, Игорь установил цифровые термометры и датчики магнитных полей, а Константин расставил аппаратуру для видео и аудио записи, работа началась.

Просматривая утром видеоматериалы, отснятые за ночь камерами слежения, команда не нашла ничего стоящего, за исключением одного из компасов, установленного на первом этаже в правом крыле здания, стрелка которого несколько раз незначительно отклонялась от положенной отметки, ночь прошла без происшествий.

Правда на аудиозаписях, при наложении определенных программных фильтров, удалось расслышать слабое шептание, но слов разобрать было невозможно, а потому профессор решил не брать этого в расчет. И тем не менее, его не покидала уверенность в том, что здание просто затаилось в ожидании своего часа.

Вторая ночь, так же не принесшая никаких результатов, только укрепила уверенность профессора в том, что здание выжидает. Побродив днем по широким и пустым коридорам учебного заведения, Михаил Александрович рассматривал многочисленные картины и лепнину, украшающие стены здания, пытаясь понять, что из этого может служить катализатором, вызывающим паранормальную активность.

Помогла случайность, хотя за многолетний опыт изучения истории и сверхъестественных проявлений, плотно со-

путствующих многим историческим фактам, профессор Семенихин начал убеждаться в том, что большинство случайностей – не случайны. Как говорится в народной пословице: «удача – дело случая» и в последние годы Михаил Александрович пришел к выводу, что Случай следует писать с большой буквы, и не однажды задумывался, – а не было ли в древних мифах и легендах какого-то божества или демонического создания, имя которого было бы созвучно с теперешним значением слово «Случай»?

Это произошло на втором этаже, профессор и сам не заметил, как ноги легко подняли его по лестнице, и он уже продолжал блуждать по темным коридорам второго этажа здания, машинально сделав заметку в голове о том, что, несмотря на огромное количество окон, лишь сверху занавешенных жиденькими белыми шторами, свет в здание практически не проникает и все внутреннее освещение здесь строится за счет настенных и потолочных светильников, которые, также, как и окна, ведут себя весьма странно.

Странность заключалась в том, что несмотря на всю яркость и насыщенность световой гаммы, возле самих осветительных приборов, к слову – на многие из которых было невозможно смотреть не щурясь, уже в метре от непосредственного источника света освещение начинало заметно блекнуть, а дальше и вовсе пропадало. Как будто стены здания поглощали освещение и использовали его для своих нужд.

Проходя по второму этажу, уже в центральной части института, Михаил Александрович бросил взгляд на репродукцию картины Репина, выделяющуюся среди соседних картин своими громадными размерами. На картине была изображена дюжина исхудалых бородатых мужчин, тянувших за собой свою непосильную, обременительную ношу, и, как молния среди ясного неба, в голове у профессора мелькнуло понимание происходящего.

Люди – вот ключ к разгадке тайны здания, и то, что являлось катализатором сверхъестественных проявлений, случившихся за его стенами. Отсутствие людей – малочисленные группы уборщиков, продолжающих поддерживать чистоту внутри учебного заведения и единственного ночного сторожа, в расчет можно было не брать – вот что побудило замолкнуть сверхъестественные проявления, царящие в этих стенах за последние полгода учебного процесса.

А это значит – «пора брать с собой раскладушки» – как часто любил сообщать профессор, в свойственной ему шутливой манере, весть о том, что следующая фаза расследования паранормальной активности команда охотников за призраками проведет в непосредственной близости от объекта своего изучения.

Эта фаза расследования может растянуться на несколько дней, а то и вовсе – счет может пойти на недели, с тоской подумал Михаил Александрович, представив будущие ночи, проведенные в походных условиях на раскладушке. Впро-

чем, вопреки его ожиданиям, все остальные члены команды восприняли такое предложение, как нечто само-собой разумеющееся, что заставило Семенихина поймать себя на мысли – неужели я ожидал, что ребята отговорят меня от этой идеи?

Умозаключение, сделанное Михаилом Александровичем, оказалось верным на все сто! В первую же ночь, когда вся команда охотников за сверхъестественным, насчитывающая на тот момент, помимо самого профессора, трех молодых ребят, расположилась на втором этаже здания в приемной, расположенной рядом с кабинетом директора, паранормальная активность в стенах учебного заведения проснулась и, подобно сжатой спирали, стала раскручиваться с неумолимой силой, непостижимой человеческому разумению.

Для приемной это помещение имело более чем скромные габариты. Примерно на шестнадцати квадратных метрах располагались два длинных стола с множеством приставленных к ним стульев. Единственное окно приемной выходило на внутренний, огороженный забором, дворик института.

Посоле того, как ребята под руководством Антона, который был большим специалистом в подобных вещах, быстро разобрали два казенных стола и сгрудили их части у дальней стены комнаты, а следом за этим убрали в угол стулья, сложив друг на друга большую часть из них, комната стала большой и просторной. В ней без какой-либо тесноты уместились в ряд четыре раскладушки, два небольших походных

столика, используемые один – как обеденный стол, другой – под ноутбуки и прочую аппаратуру.

– Эх, палатки и костра не хватает, – мечтательно заметил Константин, – первый и единственный шутник и заводила команды.

Вопреки видимому разгильдяйству и глуповатым, а порой и вовсе неуместным шуткам Костика, профессор его очень ценил за многие качества. Михаил Александрович очень чутко, по-родственному, относился к каждому члену своего небольшого и тесного коллектива, который в шутку именовал «кружком по изучению сверхъестественного», а остальные ребята гордо и величественно, но тоже в шутку, величали «Охотниками за призраками».

Профессор Семенихин как-то озвучил ребятам свою мысль про кружок изучения сверхъестественного, и Костик тут же подхватил и исковеркал это название, – какой же кружок? Нас же четверо. А значит – квадрат!

Ребята посмеялись, заставив от души и до боли в щеках улыбаться и самого профессора, а потом Игорь уже более серьезно внес на повестку дня вопрос, – а что, если нам называть себя как-то, вроде «охотников за призраками» или «охотниками на сверхъестественное»?

Михаил Александрович думал пропустить шутку Константина и слова Игоря мимо ушей, но в разговор вступил Антон, – а что? Действительно, нам же нужно какое-то название. В конце-то концов, мы занимаемся серьезными и нуж-

ными вещами, часто имеем дело с опасными и враждебными сверхъестественными проявлениями. И пусть люди, не вовлечённые в наш коллектив, не понимают всю важность и ответственность нашей работы, но мы все это понимаем. А раз так, нам просто необходимо название!

И посмотрев на профессора, Антон виновато втянул голову в богатырские плечи и продолжил, – кружок, на мой взгляд, звучит как-то несерьезно и унизительно. Какой же это кружок? Мы – команда!

Слова Антона, который чаще молчал, в отличии от говорливого Константина, возымели на профессора определенное воздействие и более того, Михаил Александрович и сам понимал то, что изначально вся построенная им затея имела форму кружка, но теперь это переросло в нечто большее по размерам и выше по значимости, а стало быть, определение Команда как нельзя лучше подходит к их маленькому, сплоченному коллективу.

Ну что ж, команда – так команда, охотников – так охотников. Правда, на кого или за чем они охотятся, ребята так до сих пор и не решили. Иногда они называли свою команду – охотниками за призраками, иногда охотниками на сверхъестественное. Ну а с другой стороны, кто бы сказал, какое определение им более подходит?!

Рядом с приемной располагался директорский кабинет, который Сергей Теймуразович предпочел оставить закрытым, и туалет с душем и двумя умывальниками – последний

директор института гостеприимно распахнул, демонстрируя гостям. В общем, приемная оказалась уютной и располагалась между первым и третьим этажами, приблизительно по центру здания – лучшего место для временного штаба не найти.

Михаил Александрович запретил ребятам блуждать по темным и пустынным коридорам в одиночестве, разделив свою команду на две пары. Естественно, себе в напарники он выбрал сурового и молчаливого Антона, а Игорь был поставлен в пару к Косте.

И предчувствие не обмануло профессора, присутствия в стенах здания четырех человек оказалось достаточным, чтобы паранормальные силы начали проявлять себя. Все члены команда испытывали клаустрофобию и агрессивность без всякой видимой причины, даже весельчак Костя, которому это было совсем не свойственно.

В дневные часы, когда на улице ярко светило солнце и тусклый свет кое-как проникал в помещение, пробиваясь сквозь многочисленные фасадные окна, подавленное состояние членов команды можно было списать на испытываемое ими волнение, в чем профессор сильно сомневался, но с наступлением сумерек все начало менять в худшую сторону.

В половине десятого вечера, когда солнце скрылось за крышей соседнего здания и уличные тени, отбрасываемые фонарными столбами, начали удлиняться, бледнеть и исчезать в вечерних сумерках, Михаил Александрович дал ко-

манду своим ребятам убедиться, что все окна в здании плотно закрыты и зашторены, с целью исключить воздействие сквозняков и света фар от проезжающих мимо автомобилей на показание приборов, а также на аудио и видео запись.

Пока команда добросовестно выполняла распоряжение профессора, он сам прогуливался по коридорам второго этажа, в который раз возвращаясь мысленно к вопросу о том, что в команде явно не хватает еще одного оперативника, как про себя называл Семенихин своих подопечных, наделенного определенными экстрасенсорными способностями. С таким оперативником, команда определенно смогла бы добиться больших успехов, вот только где его взять?

Профессор не смог сдержать улыбку, вспомнив о своей попытке привлечь в команду одаренного молодого экстрасенса, успешно выступившего на телевизионном реалити-шоу. Наделенный неординарным даром молодой человек был привлечен при очередном расследовании случаев самопроизвольного перемещения предметов, происходящих по заверению жильцов просторной четырехкомнатной квартиры, расположенной в старом трехэтажном доме.

По их словам, в квартире появился полтергейст, проявляющий свою активность в ночное время, причем жаловались на этот полтергейст и соседи, живущие через стену и этажом ниже. Команда охотников за паранормальным прибыла в квартиру и приступила к установке аппаратуры.

Ключевую роль на этом этапе должен был сыграть новый

член команды. Но определенного ответа на вопрос – где, по его мнению, находятся темные пятна или неблагополучные места и, следовательно, где именно в квартире устанавливать камеры и микрофоны – от экстрасенса не дождались, вместо этого он стал бегать по комнатам, размахивать руками и твердить без умолку о том, что – «в прошлом здесь произошло нечто ужасное, и над жильцами нависла серьезная угроза».

Антон, попытавшийся в очередной раз выведать у экстрасенса что-либо конкретное, получил предупреждение, что ему угрожает смертельная опасность. После очередного предупреждения экстрасенса нервы у него сдали, и подняв в воздух тщедушного чревовещателя, Антон недвусмысленно намекнул тому, что угроза нависает и над самим экстрасенсом.

Следствие закончилось банально – скрытая видеокамера зафиксировала на кухне шатающегося главу семейства в тот момент, когда он, будучи в состоянии отличном от трезвого, зашвырнул табуретом в стену. Но шутки-шутками, а команда действительно нуждалась в новом оперативнике, наделенным шестым чувством, и сейчас эта потребность ощущалась особенно остро.

Профессор поймал себя на том, что на протяжении нескольких минут смотрит в окно и улыбается, придавшись воспоминаниям. С момента захода солнца и сумерек, внутри здания что-то изменилось. Отпустило непрерывно терзавшее чувство тревоги, исчезла мучавшая весь день голов-

ная боль. Стены и потолок больше не давили со всех сторон и, даже лампы в светильниках горели ярче, чем пол часа назад, дышать стало легко, в голове прояснилось.

Но эти факторы отнюдь не радовали Михаила Александровича, ибо что-то подсказывало профессору, что радоваться нечему, и облегчение есть ни что иное, как самое настоящее затишье перед бурей. За два дня расследования, проведенного в стенах здания, команда профессора не продвинулось вперед, а это значило, что буря будет, в этом можно было не сомневаться. Вот только, кто бы сказал – откуда следует ее ждать?!

В коридоре послышались шаги и веселые голоса. О чем-то весело рассказывал Костя, над его шутками смеялся даже Антон. Вопреки хорошему настроению, профессор попытался нагнать на себя суровый вид строгого начальника. Нельзя было забывать где находится команда охотников за призраками, и что их сюда привело.

В подобных местах было большой и самой главной ошибкой – расслабиться и утратить бдительность, это унесло жизни многим оперативникам, проводившим расследования в подобных местах. Второй ошибкой было проявление эмоций. Человеческие эмоции есть ни что иное, как энергия, которой питаются существа из потусторонних миров. Не случайно свод правил, написанный профессором и доведённый до каждого члена команды, предупреждал первым же пунктом – «в местах проявления потусторонней энергии человек

может без всякой причины впадать в яркие эмоциональные состояния, включая эйфорию, и тем самым передавать энергию, подпитывающую инородную материю. Каждому оперативнику, находящемуся на задании, надлежит помнить две вещи: Кто он и С какой целью сюда прибыл!» И какими бы простыми ни казались со стороны эти правила, профессор понимал, как нелегко бывает придерживаться их.

Особенно сейчас, когда чувство угнетенности и постоянного беспокойства, усиленные пульсирующей головной болью – он замечал, как временами морщились его ребята, и понимал, что головной болью мучается не только он – бесследно исчезло.

Антон, первым вошедший в помещение временного штаба, встретился глазами с профессором и тут-же посерьезнел, а вслед за ним перестали смеяться и остальные члены команды. Последняя шутка осталась за Константином.

– Аппаратура проверена, все окна и двери заперты. Для полной уверенности хотели связать охранника, несущего вахту на первом этаже. Но в бытовке у последнего была обнаружена непочатая бутылка водки, а по сему, решили не связывать – через час он сам себя обезвредит!

И тут началось…

Отличное настроение, еще минуту назад льющееся из глаз каждого члена команды, сменилось безграничной усталостью и чувством глубокой безысходности. Свет померк, а вместе с ним угасли радость и веселье, оставив немыслимую

и глубокую тоску. Нет, лампочки под потолком не мигали, свет не гас, просто из яркого и насыщенного он превратился в еле-видный и блеклый.

Тени вытянулись, углы затемнились, со стен исчезли яркие цвета, их заменили оттенки серого, на лицах ребят залегли тени, отчего все казались гораздо старше своих лет. Эта перемена произошла мгновенно, не дав и секунды на подготовку, и вне всяких сомнений, прочувствовал ее каждый присутствующий.

– Началось! – мрачно подытожил Антон.

Вот и настал момент, которого я так ждал и боялся, – с мрачным удовлетворением подумал Михаил Александрович. Началось! В такие моменты скептики всегда требуют неопровержимых доказательств присутствия здесь и сейчас потусторонних сил, но тем, кто находился рядом с профессором, никаких доказательств не требовалось.

Все было просто – где-то рядом, в стенах этого здания, появился сгусток инородной материи, быстро увеличивающийся в размерах и обретавший массу. Не почувствовать этого было невозможно и, раз уж это подтвердил Антон, в реальности происходящего можно было не сомневаться.

Тем временем темный энергетический сгусток продолжал увеличиваться и набирать силу. Инородная энергия, материализующаяся в нашем мире, давила на барабанные перепонки и затрудняла дыхание, воздух стал твердым и сухим. К счастью, это продолжалось не долго, набрав критиче-

скую массу, чужеродная материя распалась на части, которые быстро, подобно магнитам с разными полюсами, отскочили друг от друга.

Далее, обычный человек, из которых, собственно и состояла команда профессора, перестал чувствовать присутствие паранормальной материи. С этого момента все дальнейшие действия, предпринятые командой охотников за призраками, зависели только от работы аппаратуры, установленной в здании, и от правильных решений, принятых самим профессором.

– Все равно, что ходить в темноте на ощупь, – подумал вслух Михаил Александрович.

Быстрота требуется не только при ловле блох, но в данном случае Михаил Александрович решил, что спешить не следует. Ранее, при проявлении потусторонней энергии, в стенах здания находилась значительная часть преподавателей и учащихся, а, следовательно, хоть ее воздействие и проявлялось на одном конкретном человеке, но охватывала она всех присутствующих.

По своему опыту профессор знал, что сверхъестественная энергия, как и электрическая энергия, имеет физические законы существования. Во многих случаях человеческий фактор является катализатором проявления потусторонних сил, но в то же время, чем больше людей находится под воздействием этих сил, тем меньший вред эти силы могут нанести. Следовательно, человеческий фактор является

источником, дающим энергию для проявления потусторонних воздействий и в то же время люди являются сопротивлением, препятствующим распространению этой энергии в нашем пространстве.

А сейчас в замкнутом пространстве, помимо самого профессора, находились еще трое оперативников и сторож. О существовании последнего Семенихин совершенно забыл и теперь оставалось только надеяться, что с говорливым старичком, сидевшим в своей каморке на первом этаже, ничего непоправимого не случилось.

«**Четверо против тьмы**» – пришло в голову Михаилу Александровичу, и эта мысль окончательно испортила и без того мрачное настроение профессора. Окончательно взвесив все ЗА и ПРОТИВ, Семенихин решил не торопить события, теперь на каждого оперативника, находившегося в здании, могло воздействовать огромное количество паранормальной энергии, и этот факт необходимо было брать во внимание, как бы не хотелось профессору ускорить работу своей группы, проведя расследование «по горячим следам».

– Игорь, Костя! Возьмите фонари и держите рацию включенной! Попробуйте пройти по правому коридору до угла. Далее заходить не следует, неизвестно как там будет работать рация. И если что-то пойдет не так, тут же возвращайтесь обратно! Мы с Антоном пойдем по левому коридору, встречаемся тут, – Михаил Александрович склонил голову в сторону штаба. – Вопросы есть?

Вопросов не оказалось, и мрачные Игорь с Костей, кивнув в знак согласия, медленно направились вглубь правого крыла здания. Михаил Александрович велел ребятам не спешить, но уже через несколько секунд их силуэты намертво слились с тенями, заполнявшими все пространство темного коридора, и различить бредущих людей теперь можно было лишь по двум еле заметным белым пятнам, отбрасываемым карманными фонариками.

– Как думаешь, далеко ушли? – поинтересовался профессор у стоявшего рядом Антона.

– Шагов на двадцать, не больше.

Михаилу Александровичу оставалось молча кивать головой в знак согласия. В сгустившемся полумраке было сложно определить расстояние, плотоядная темнота, вместе со светом, поглощала и звуки шагов, издаваемые людьми.

– Это место чуждо для человека! – Профессор искренне надеялся, что не высказал вслух эту мимолетную мысль, настроение у команды было и без того мрачным, незачем добавлять негатив.

Антон, все так же молчаливо, стоял рядом и его каменное лицо не выражало эмоций. Со стороны могло показаться, что этот человек в команде лишний – зачем охотникам за призраками оперативник, лишенный эмоций и образного восприятия окружающего мира? Но Семенихин так не думал.

Антон не раз проявил себя, как надежный и исполнительный член команды, несмотря на то, что по своей природе был

закоренелым скептиком, никогда и ничего не принимающим на веру. И сейчас, стоя в темном, безлюдном коридоре, Михаил Александрович был рад присутствию рядом сильного и надежного Антона.

– Готов? – спросил профессор, шагая в противоположную сторону от ушедших Кости и Игоря.

Антон, молча кивнув, зашагал в ногу с профессором. На стенах и потолке коридора все так же горели светильники, но теперь их свет растворялся в сгустившемся мраке, превращая электрические лампочки в тусклые пятна света.

Этого света не хватала даже на то, чтобы освещать дорогу под ногами, не говоря о том, чтобы разглядеть отчетливо какой-либо предмет, находящийся в нескольких шагах впереди. Пройдя расстояние, приблизительно в полкоридора, Михаил Александрович увидел по левую руку впереди себя большое темное пятно, прилипшее к одной из стен. Видимо, это был журнальный столик, рядом с которым вдоль стены стояла пара диванов для отдыха.

Сейчас профессор ориентировался больше, полагаясь на память, чем на глаза, так как разглядеть что-то конкретное в таком освещении не представлялось возможным. Все углы и выступы вдоль стен окутал мрак, отчего боковая поверхность по обе стороны коридора казалась ровной и гладкой.

Углубившись вдоль коридора еще шагов на тридцать, профессор Семенихин дошел до журнального столика, очертания которого он угадал минутой ранее, и мысленно похвалил

свою память – уж чего-чего, а память Михаила Александровича пока ни разу не подводила.

Всю информацию, попадавшую в поле зрения, мозг сразу обрабатывал и структурировал так, чтобы в нужный момент можно было легко и быстро восстановить определенный фрагмент, увиденный ранее, или вспомнить нужную дату, причем все это происходило само собой, без каких-либо усилий со стороны самого профессора.

Вот и сейчас, пройдя немного вперед за журнальный столик, Михаил Александрович остановился напротив одного из двух диванов, стоявших вдоль стены. Над диванами без всякого смысла и хронологии висели картины, изображавшие репродукции полотен знаменитых художников, причем развешены они были настолько хаотично, как будто подчеркивали, что человек, повесивший их на стены, был не только слеп к искусству, но вдобавок и обладал дурным вкусом.

Семенихин уже изучил этот коридор днем и прекрасно помнил, как разительно не сочетался портрет Неизвестной руки Крамского с соседствующим рядом полотном Франца Рубо «Живой мост».

– «Интересно, чем руководствовался человек, размещавший эти полотна?» – подумал про себя Михаил Александрович.

В этой части коридора было заметно прохладней, чем там, где профессор с Антоном находились несколькими минутами ранее. Пытаясь непослушными пальцами, онемевши-

ми от холода, застегнуть пуговицу на воротнике шерстяной жилетки, Семенихин разглядывал картины. Липкие от пота ладони покалывало на морозном воздухе, в горле начинало саднить, немного запотели очки.

– Холодно! – сказал профессор, обращаясь к Антону, – но ведь на улице лето?!

Антон кивнул. В отличии от Семенихина, он стоял в рубашке с коротким рукавом и никаких признаков дискомфорта внешне не проявлял.

Этот не почувствует, даже если призрак цапнет за задницу, – немного злясь на Антона, подумал Михаил Александрович. Пытаясь унять нарастающее раздражение, профессор принялся изучать картины.

По стенам и потолку, подобно легкой дымке или туману, проплывали тени, из-за этого казалось, что под потолком в светильниках горят не современные многоваттные электрические лампочки, а старинные свечи на тяжелых канделябрах.

– Но позвольте, позвольте! – пробормотал вслух профессор, продолжая разглядывать картины на стенах, – ведь раньше незнакомка не улыбалась, разве не так?

Антон лишь пожал плечами и неуверенно подтвердил, – вроде нет…

Но Михаил Александрович, прекрасно разбиравшийся в том числе и в живописи, отлично помнил тот несколько надменный, слегка высокомерный взгляд юной девицы, изобра-

женной на портрете, и губы у нее при этом возможно и скрывали улыбку, но образовывали прямую линию.

Теперь же в глазах незнакомки появилось лукавство, а губы растянулись в ехидной усмешке. Все это было еле уловимо, но для профессора, видевшего это полотно много раз в подлиннике, данная перемена не прошла незамеченной.

Взглянув на другую репродукцию, на которой был изображен эпизод русско-персидской войны, Михаил Александрович так же отметил перемены, произошедшие с полотном – солдаты, образующие живой мост через ров, по которому должны были проехать тяжелые телеги, груженые пушками и амуницией, теперь не казались безликими. Не напрягая зрения, профессор мог различить лицо каждого солдата Егерского полка, образующего своими плечами тот самый импровизированный мост.

Хоть каждое соседнее лицо разительно отличалось от предыдущего, на всех лицах была одинаковая плотоядная улыбка. Антон, стоявший рядом с профессором, похоже также заметил перемены в картинах, но наблюдал все это молча, только при дыхании из его рта вырывались жидкие облачка пара.

– Холодно! – повторил профессор уже громче, – нужно возвращаться обратно!

Михаил Александрович не стал уточнять, что незамедлительное возвращение было вызвано отнюдь не холодом. Рядом был опытный оперативник, который все прекрасно по-

нимал и шел на пол шага позади профессора, то и дело оглядываясь и светя фонариком себе за спину. Подобная тактика при работе в паре была отработана на предыдущих расследованиях и доведена до автоматизма – если что-то случится с ведущим или ведомым, у напарника всегда будет шанс оказать быструю помощь товарищу, и меньший риск угодить самому под воздействие внешнего враждебного фактора.

Прецеденты были. Месяцем ранее Игорь угодил под проводник электрического тока, в виде толстого стального провода, непонятно откуда взявшегося в подвале старого пятиэтажного дома, и лишь быстрые и решительные действия Константина смогли предотвратить пагубные последствия такого контакта.

До кабинета директорской приемной, временно переоборудованной под штаб охотников за призраками, Михаил Александрович с Антоном добрались без происшествий. Внутри было тихо, видимо Константин с Игорем еще не вернулись. Ярко горели два потолочных светильника, сквозь открытое окно приятно задувал прохладный уличный воздух.

«Прохладный, а не ледяной, как в коридоре», – подумалось профессору, и тут же по его спине пробежал неприятный холодок при мысли о том, что остальные ребята еще не вернулись. К счастью, в этот момент негромко щелкнул хорошо подогнанный дверной замок и в помещение, громко переговариваясь, вошел Игорь, а за ним Костя. По-видимому, ребята о чем-то спорили еще в коридоре и обрывок пе-

ребранки залетел в кабинет вслед за ними:

– Да на кой ты мне нужен, подножки тебе ставить?! – обиженно и немного злобно оправдывался Игорь.

– А как же я тогда об твою ногу споткнулся? Это ты военкомату чеши, что у тебя плоскостопие, я тебе честно скажу, Горын, у тебя – косолапие! – Константин говорил, едва сдерживая улыбку, он сумел поддеть Игоря, вывести его на спор, заставить оправдываться. В целом, но был полностью доволен собой.

– Да нет у меня никакого плоскостопия, и не называй больше меня Горыном! Что за идиотское сокращение? – завелся Игорь.

Потом он обратил внимания на то, что профессор с Антоном уже успели вернуться в приемную и теперь слушали их разговор не вмешиваясь, но не скрывая улыбок. Костя был мастер вывести собеседника из себя и беззлобно поддевать его во время дальнейшего спора. До Игоря наконец дошло, что товарищ просто подшучивает над ним.

– Да ну тебя! – отмахнулся он от ухмыляющегося Костика, и сразу посерьезнел.

Несмотря на то, что ребята зашли увлеченные беседой, от Михаила Александровича не ускользнули искры недавнего беспокойства, мелькавшие в увеличенных зрачках вошедших оперативников. В данном случае это явление могло быть вызвано двумя факторами – плохим освещением в коридоре, или недавно пережитой сильной стрессовой ситу-

ацией.

Присмотревшись внимательно, Семенихин тут же сделал вывод в пользу последнего заключения – помимо прочего, профессор был прекрасным психологом, но допытываться с порога не стал. За него это сделал Антон, который, по-видимому, так же заметил беспокойство в глазах своих товарищей.

– Рассказывайте, что случилось? – спросил он сразу у обоих.

Игорь с Костей быстро переглянулись, толи удивляясь проницательности своих старших товарищей, толи советуясь друг с другом о том, как много можно рассказывать. Наконец, рассказывать начал Игорь.

– Мы отошли от вас шагов на пятьдесят, но, когда обернулись, видно вас уже не было… вообще ничего не было видно, как будто в коридоре позади нас погасли все лампы сразу. Ваши голоса мы слышали в отдалении, но судя по звуку, вы могли находиться и на улице. Дальше шли уже медленней, внимательно глядя под ноги и светя по сторонам. И в общем-то, все было гладко, до одного момента. Костик, который шел чуть впереди меня, вдруг остановился, как вкопанный, и принялся орать и размахивать руками. Как человек, пытающийся сохранить равновесие, чтобы не упасть. Вы, кстати, крик не слышали?

– Да не орал я, – в своей обычной шутливой манере поправил друга Костик, – просто мне нужно было горло прочи-

стить. А если серьезно, то – да, было дело! Я шел по коридору, смотрел под ноги, да в общем-то, там относительно светло было, пол ровный, ничего такого, чтобы привлечь внимание. И тут, при следующем шаге, моя нога прошла сквозь пол, во всяком случае, мне тогда так показалось, и, – Костя задумался, – не знаю почему, но создалась такая уверенность, что там, где я стою, пол заканчивается и обрывается, как крыша сверху, а подо мной два этажа… это ж метров семь – восемь, потолки то тут высоченные. Не могу пояснить, почему в тот момент мне так показалось, это нужно было прочувствовать.

– Я в это время в сторону смотрел, на картины отвлекся, – снова вступил в разговор Игорь, – когда повернулся к Косте и увидел, как тот руками машет, стараясь вперед не свалиться, подскочил к нему и за шиворот потянул на себя. И, если честно, то мне тоже показалось, что мы не по коридору идем, а по крыше, а в этом месте она обрывается. Глаза ничего подобного не увидели, но мой вестибулярный аппарат буквально кричал, что впереди меня пустота… яма!

– Ага, он меня за шиворот так дернул, что чуть не задушил, вон, чудом пуговицы уцелели. И, как два идиота, мы с Горыном на задницы плюхнулись, прямо посреди коридора, – смеясь закончил Костя.

Михаил Александрович задумавшись, покивал своим мыслям, а потом спросил у Игоря, – ты сказал, что на картины отвлекся? А что конкретно тебя отвлекло?

Игорь снова поморщился, как человек, откусивший добрый кусок лимона, и потер переносицу. Было видно, что рассказывать о картинах ему хочется еще меньше, чем о том досадном инциденте с Костей, но все-таки ответил.

– Мне показалось, что там, внутри картины, появилось движение. Ну показалось, конечно, я это боковым зрением заметил, а когда стал фонарем светить и смотреть внимательно, то отвлекся на Костю. Наверное, я увидел блики света от своего фонаря, которые отразились в стекле, закрывающим картины, вот и сложилось такое впечатление, что по всему коридору за нами кто-то крадется внутри картин.

– Наверное показалось, только там стекол нет, в картинах нечему свет отражать, – высказал свое мнение Антон.

После этого на несколько минут наступила тишина, каждый обдумывал сказанное и услышанное в разговоре. Тишину прервал профессор.

– В общем так, ребята! В связи с тем, что на данный момент не представляется возможным дать всестороннюю оценку рисков и опасности нашего пребывания, ночью за дверь нашей комнаты не выходим. Туалет, умывальник и душевые кабины есть внутри, так что, сидим здесь! За паранормальной активностью в остальной части здания – машинально профессор начертил рукой в воздухе контуры круга, подчеркивая, что речь идет о всем здании. Несмотря на то, что все итак прекрасно понимали, что он имеет ввиду – Михаил Александрович никак не мог искоренить в себе эту

идиотскую привычку – постоянно жестикулировать во время беседы, – да не смотрите вы на меня так, – Семенихин не смог сдержать улыбки, видя, как смотрит на него вся команда, – я понимаю, что рассказываю не идиотам, но за долгое время общения со студентами привык к этому, и ничего не могу с собой поделать!

Антон остался серьезным, как всегда, да и студентом он не был, а два закоренелых студента: Игорь с Костей заулыбались до ушей, услышав очередной ляп от начинающего заливаться румянцем профессора. Михаил Александрович, поймав на себе их взгляд и поняв, что его объяснения, как это за частую случалось, привели к еще большей неловкости в ситуации, оборвал себя на полуслове.

– Ну вы же понимаете, что я не со зла, ребята? – попытался он поставить точку и продолжить разговор с новой строки.

– Конечно понимаем, мы ж балбесы, – смеясь подтвердил Костик.

На помощь профессору пришел Антон. Авторитетно отвесивший Константину легкий подзатыльник, он вежливо попросил того прикусить язык и слушать старшего. И Михаил Александрович продолжил рассказывать.

– В общем, всю ночь будем находиться внутри этой комнаты. Дверь не открывать, в коридор не выглядывать. Один дежурит, трое спят. Через каждые два часа меняемся. Дежурный следит за показаниями приборов и камер наблюдения, если произойдет что-то значимое, разбудит остальных.

Антон обвел взглядом дисплеи ноутбуков, стоявшие на столе. На каждом из них экран был разделен на четыре части, чтобы охватывать сразу все двенадцать камер видеонаблюдения, установленных на разных этажах здания, согласно схеме, начерченной профессором. В дополнение к этому, на каждый ноутбук были выведены данные, полученные с многочисленных сверхчувствительных микрофонов, которые отображались в нижней части экранов в виде диаграмм.

Если какой-то из микрофонов «оживал» и начинал улавливать звуковой сигнал, ноутбук выводил это на дисплей в виде диаграммы, показывающей задействованный микрофон и уровень звуковой волны. Всю эту информацию можно было увидеть и услышать в режиме реального времени, а также просмотреть аудио и видеофайлы, записанные на жесткие диски ноутбуков.

– А хватит ли одного человека? Один все не углядит…, – с сомнением протянул Антон.

– Хватит! – подтвердил Михаил Александрович. Утром все равно будем второй раз просматривать, все должны быть бодрыми и отдохнувшими.

Первый вызвался дежурить Семенихин, несмотря на то, что вся команда была настроена категорически против такого решения профессора.

– Нас трое! Каждый будет дежурить по три часа, потом сон. Справимся и без вас. Дело-то не хитрое, зачем тут старшему ночью сидеть? – в который раз пытался образумить

Антон Михаила Александровича.

Игорь с Костей согласно кивали. Но профессор придерживался иного взгляда на вещи, по его мнению, два часа – это максимальный срок дежурства, который сможет вынести человек в данных обстоятельствах. Затем усталость возьмет свое, бдительность притупится, и команда может допустить ошибки, а этого профессору совсем не хотелось.

Михаил Александрович снова вспомнил глумливую ухмылку молодой женщины, увиденную ранее на картине в коридоре. Само это место действовало угнетающе на человеческую психику, и несмотря на то, что в его команде были проверенные, опытные оперативники, профессор решил не рисковать лишний раз и ограничить время дежурства до двух часов.

По своей природе профессор Семенихин был крайне осторожным человеком, а многие близкие друзья, знавшие Михаила Александровича лучше других, часто называли его «перестраховщиком». Но в данных обстоятельствах это была хорошая черта.

На миниатюрной газовой плите, приобретенной профессором недавно по совету Кости, во всю кипел чайник, рядом с ним на маленьком раскладном столе хозяйничал Антон. Горка бутербродов с двумя видами колбасы была нарезана и разложена по тарелкам, в четырех пузатых чашках разложены чайные пакетики с бергамотом, вместо сахарницы на столе перед чашками стояла полулитровая банка липового

меда.

Посмотрев на нее, Михаил Александрович испытал легкий укол совести, ведь это был его вкус, его предпочтения. Он не раз просил ребят из своей команды ориентироваться в походе на собственный аппетит, видя, как морщился Игорь при терпком запахе бергамота, а Костя каждый раз шарил глазами по столу в поисках сахара. Но вся команда уверяла профессора, что они без ума от терпкого аромата бергамота и обожают мед вместо сахара.

Отчасти это было правдой, походная экзотика очень прельщала молодых ребят, а по лицу Антона было видно, что он оценил тонкий вкус профессора и вовсе не прочь побаловать себя медом. Антон не любил, когда ему помогали с приготовлением трапезы, тем более, если готовить не так много. Дело шло к ночи, Михаил Александрович не стал навязывать свою помощь, и сидя наблюдал за слаженными действиями команды.

Игорь поочередно подходил к каждому ноутбуку, проверяя, что все установленные датчики, а также микрофоны и видеокамеры, передают данные на устройство записи. В таких вопросах Игорь был незаменимым специалистом и приставать в такие моменты к нему с расспросами означало испортить все делаю. Костя ползал на корточках возле двери, проверяя натяжение металлических нитей с серебряным стержнем внутри. Эти нити должны были образовывать плотный замкнутый контур в стенах временного штаба.

Возможно, они и не давали стопроцентной гарантии от проникновения призраков и потусторонних проявлений, но вся команда чувствовала себя защищенной, находясь со внутренней стороны такого периметра. Да и сам профессор не раз замечал, что подобные меры огораживают эмоциональное состояние людей от враждебного патустороннего проявления.

С призраками команда охотников за паранормальным ранее уже встречалась. Хоть у профессора не было случая проверить надежность своей защиты против физического проникновения потусторонней энергии, все равно такие меры предосторожности были не лишними.

Закончив приготовление ужина, Антон посмотрел на своих товарищей, собираясь пригласить команду за стол, но потом широко улыбнулся и произнес, – кушать подано, садитесь жрать, пожалуйста!

Интересно – подумал профессор, знают ли Костя с Игорем откуда пошла эта крылатая фраза? Ужинать команда села в хорошем настроении, и Михаил Александрович был благодарен обычно мрачному и молчаливому Антону.

После скромного ужина профессор пододвинул самое габаритное кресло, стоявшее в приемной, к ноутбукам и попытался на нем устроиться поудобнее, вспоминая с тоской о большом кожаном кресле, стоявшем в соседней комнате – в кабинете директора.

Учитывая несколько напряженные отношения, сложив-

шиеся между командой охотников за призраками и директором учебного заведения, от щедрого предложения Сергей Теймуразовича, в виде ключа от собственного кабинета, Семенихин решил воздержаться, особенно от посещения последнего – мало ли что.

Антон, добросовестно исполнив обязанности повара, убрал со стола и вымыл посуду, после чего принял душ, и вытянувшись на раскладушке тут же начал богатырски похрапывать. Вот с кого нужно брать пример – подумал Михаил Аленксандрович. Других дел на данный момент у Антона не было, и его умение отключать сознание от работы и переводить организм в режим отдыха, вызывало восторг и зависть у Семенихина.

Рядом с ним на своей раскладушке поскрипывал Игорь. Он воткнул наушники в уши и слушал музыку с телефона, спал он или нет понять было невозможно. Костя не последовал примеру своих товарищей, он достал из рюкзака потрепанный журнал с большим внедорожником, красовавшимся на обложке, и кое-как закрепив рядом с собой настольную лампу на батарейках, принялся тихо перелистывать страницы.

После профессора к дежурству должен был приступить именно Костя, но Михаил Александрович решил не делать тому замечаний, ведь действительно – попробуй усни в подобных условиях, не все ж такие, как Антон.

Движение на одной из камер ноутбуков привлекло внима-

ние Семенихина, он щелкнул по картинке, выводящей изображение с камеры номер девять, установленной в центральной части коридора третьего этажа. По рассчетам профессора, эта камера должна находиться примерно у них над головами.

Сперва увеличенное изображение, получаемое с видеокамеры, не показывало ничего кроме темноты, и Михаил Александрович решил было, что ему показалось, но в тот момент, когда рука профессора легла на клавиатуру ноутбука, готовая вернуть первоначальный экран, разделенный на отображение четырех камер, на экране снова что-то мелькнуло, потом еще раз и еще.

Со стороны это было похоже на большой баскетбольный мяч, окрашенный в белый цвет. Мяч падал на пол, подскакивал от него на высоту одного метра и снова падал на пол. Так продолжалось пять или шесть раз, затем шар замер. На какое-то мгновение Михаилу Александровичу показалось, что он может различить лицо, нарисованное на этом мяче. Круглые неживые глаза белесого цвета смотрели прямо в объектив камеры, носа не было видно, но вот рот был, и он был растянут в такой же плотоядной улыбке, виденной профессором несколькими часами ранее на картине, изображавшей живой мост, сплетенный из спин солдат Егерского полка времен Екатерины.

Пока профессор пытался сопоставить ухмылку на экране с изображением, сохранившимся в памяти, образ похожий

на мяч исчез, и в камере снова появился тускло освещенный коридор третьего этажа. Оптическим обманом это быть не могло, кроме команды охотников за призраками, в здании находился сторож, но тот должен был спать в своей каморке на первом этаже, да и на шутника он похож не был.

Немного подумав, Михаил Александрович вывел на экран соседнюю камеру, расположенную в другом крыле третьего этажа. Камера была нацелена на установленный рядом компас и электронный термометр. Температура незначительно изменилась, термометр показывал двадцать один градус по Цельсию, стрелка компаса немного тряслась.

Все это было слишком недостаточным, чтобы сделать какой-либо вывод. «У нас мало камер и совсем нет оперативника, способного чувствовать и воспринимать потустороннюю энергетику», – мрачно подумал профессор.

Во всем остальном ночь прошла без происшествий, о чем утром Семенихину доложили остальные члены команды. После завтрака, состоявшего в основном из тех же бутербродов с чаем, команда охотников принялась просматривать записи, полученные за ночь с камер видеонаблюдения, и тут уже не обошлось без сюрпризов.

Обе камеры, расположенные в левом и правом крыле второго этажа, в конце импровизированной картинной галереи, которую прошлой ночью изучал профессор в сопровождении Антона, зафиксировали множество темных пятен. При более внимательном просмотре выяснилось, что эти темные

пятна были ничем иным, как тенями, отбрасываемыми неизвестными предметами, перемещавшимися ночью по коридору второго этажа – «прямо за той комнатой, в которой мы спали» – подумал профессор.

И от предметов, образующих странные тени, команду охотников за паранормальным отделяла лишь тонкая дверь. А если учесть, что все камеры были установлены вплотную к стенам, получалось, что тени существовали сами по себе, отбрасывать их было некому и нечему, к тому же оба окна, находящиеся позади камер, выходили во двор, огороженный со всех сторон забором, блики от автомобильных фар можно было также исключить.

И в коридорах третьего этажа, где прошлой ночью, во время своего дежурства, Михаил Александрович заметил по системе видеонаблюдения нечто, напоминающее прыгающий мяч, тоже было не спокойно. Игорю удалось поймать на паузу подходящий кадр, когда мяч был в наиболее выгодном ракурсе для изучения.

После увеличения картинки и добавления яркости программными средствами, мяч превратился в огромную лысую голову. Голова имела человеческие черты лица, но и сама голова, и лицо соответственно, были в несколько раз больше обычных человеческих размеров. Фактически, голова напоминала огромную тыкву -переросток, только идеально круглой формы, под глазами были длинные раскосые глаза и узкий хищный рот.

Зрачки и нос отсутствовали, или их просто не удалось рассмотреть, что придавало лицу бессмысленное идиотское выражение. Термометр, расположенный в дальнем конце коридора, в это же время отметил понижение температуры до восьми градусов Цельсия, что было примерно на шестнадцать градусов ниже показаний других термометров, расположенных внутри здания.

В довершение к этому, Антон, прослушивающий аудиозаписи, полученные с микрофонов, выделил пятиминутный фрагмент, когда шкала уровня громкости колебалась с постоянной амплитудой. Игорь, немного поколдовавший над полученным файлом, смог добавить громкость и убрать посторонний шум. В итоге все услышали хриплый голос, который на протяжении нескольких минут повторял одно слово, – «тише» или «тишь» – в интерпретации услышанного в команде возникли небольшие разногласия.

Профессору показалось, что этот густой, гортанный голос принадлежал женщине, и Антон с этим согласился. В то время, как Игорь утверждал, что это скорей мужской голос, только произнесенный на высокой ноте, с последним согласился Костя.

Прослушивание и просматривание ночных событий продолжалось бы и дольше, но Семенихин, посмотрев на часы, положил конец обсуждениям. Было два часа дня, самое время обедать. Михаил Александрович не стал говорить это вслух, но по его твердому убеждению, всей команде было

необходимо покинуть здание, и дело тут было совсем не в свежем воздухе.

Уже более двух часов к ряду Семенихин чувствовал тупую боль в области затылка, которую временами усиливала навязчивая мелодия, крутившаяся в голове профессора. И самое странное заключалось в том, что он никак не мог вспомнить – где мог слышать эту мелодию. А это могло означать лишь одно – сверхъестественная энергия здания уже начинала действовать на профессора, «необходимо срочно сменить обстановку» – решил Семенихин.

– Есть предложение, коллеги, отобедать в соседнем кафе, как вы на это смотрите? – слово «коллеги» Михаил Александрович чаще всего употреблял в тех случаях, когда с ним лучше было не спорить.

– Предложение подкупает своей новизной! – Костя первым вскочил на ноги, непонимающе глядя на Игоря и Антона – мол чего они ждут?

– Чеки сохраняйте, нам потом компенсируют, – вставая вслед за Костей, распорядился профессор.

Коридор за дверью уже не казался таким мрачным и темным, как накануне вечером. Но все равно солнечные лучи, попадавшие в окно, растворялись в полумраке здания, так и не попадая на пол и стены. Днем это не казалось так зловеще, возможно все дело в стеклопакетах, «это предположение определенно стоит проверить», – мысленно пометил Михаил Александрович.

Когда команда профессора пересекала широкий вестибюль первого этажа, направляясь к двухстворчатой входной двери, из противоположного угла послышались торопливые шаркающие шаги и покашливание. Антон положил руку на тяжелую рукоять длинного армированного фонаря, висевшую в разгрузочном кармане рюкзака, остальные выжидательное смотрели на профессора – всю амуницию ребята, как всегда, взяли с собой, оставив в комнате, отведенной под штаб, только ноутбуки, которые продолжали записывать данные с камер и микрофонов.

Через несколько напряженный мгновений на освещенный участок, кряхтя и подволакивая правую ногу, вышел ночной сторож в помятой одежде и с заспанным лицом.

– Доброе утро! – поздоровался старичок.

– Добрый день! – вежливо поправил Михаил Александрович. – Чем мы можем быть вам полезны?

– А вы, простите, все? Уже совсем уходите, или еще вернетесь?

По лицу старичка было видно, что спросить он хотел вовсе не это, тем более от профессора не ускользнула интонация, которой была произнесена последняя часть фразы. По непонятной причине сторож надеялся на то, что профессор со своей командой закончили свое исследование, чем бы оно там ни оказалось, и возвращаться не планируют.

Костя широко ухмыльнулся и открыл было рот, чтобы выдать одну из коронных шуток – «какой закончили, мы еще не

начинали» – но промолчал, поймав на себе серьезный взгляд Семенихина. Каким бы разгильдяем Костик не выглядел со стороны, но Михаил Александрович знал, что за этим кроется очень серьезный и исполнительный сотрудник, умеющий понимать ситуацию и настроение начальства.

А у начальства, в лице профессора Семенихина, в данный момент было, что называется, настроение вытянуть из ночного сторожа информацию, которая может оказаться полезной в ходе проведения дальнейшего расследования.

Михаил Александрович выдержал паузу, как бы обдумывая заданный вопрос, а сам продолжал пристально изучать невысокого старичка, который неловко сутулился и переминался с ноги на ногу.

Команда охотников за призраками появилась в дверях этого здания вчера. В котором часу это было? Без четверти три – подсказала пунктуальность профессора. У входа их встретил директор института Сергей Теймуразович, а в дверях к ним навстречу вышел пожилой, говорливый мужчина с лихим кавказским акцентом, такому не то, что здание сторожить, а хоть сейчас на коня – да в бой.

А сегодня этот джигит выглядел крайне неважнецким – глаза ввалились, образовав вокруг некое подобие синяков, со щек пропал румянец, уступив место болезненной бледности, некогда могучие борцовские плечи ссутулились, отчего руки казались дряблыми и обвисшими. Казалось, что за ночь сторож постарел на несколько лет, да вдобавок еще и

подхватил простуду.

Но что еще больше поразило профессора – пальцы левой руки сторожа, которая продолжала свисать плетью вдоль туловища, отбивали на его широком армейском ремне простенький мотивчик, с несколько затянутым ритмом, что добавляло к издаваемым звукам некую затаенную похабность.

И это звучало именно так, как назойливая мелодия, терзавшая все утро, вместе с тупой затылочной болью, уставший мозг профессора Семенихина. И снова Михаил Александрович так и не смог вспомнить, где же он раньше мог слышать этот мотив. Однако пауза затянулась, а старичок все ждал ответа.

– К сожалению, мы еще не закончили, нам понадобится некоторое время, чтобы хорошенько во всем разобраться, – ответил профессор, – а, если не секрет, в чем дело? Неужели мы как-то стеснили, или потревожили вас?

– Да нет, что вы?! – сторож залился краской и стыдливо опустил глаза.

«Момент настал» – решил Семенихин, и призвав на помощь все имеющиеся навыки психолога и дипломата, попытался выудить из сторожа все, что он хотел высказать.

– Сегодня ночью будет гроза, во всяком случае, так обещали по прогнозу. Не случайно у меня все утро раскалывается голова, даже анальгин не помогает. Вот, планируем с ребятами пообедать и выпить кофе, может быть тогда станет легче. Не прикажете ли принести и вам чашечку? Возьмем

на вынос, не отказывайтесь, нас это совершенно не затруднит, наоборот – порадует!

Профессор, дружелюбно улыбаясь и слегка склонив голову к правому плечу, пытался угадать реакцию собеседника, – я с недавних пор стал заранее чувствовать грозы, это ребятам все нипочем, а меня теперь уже никакой прогноз не обманет. Да и вы, как я погляжу, тоже понимаете, – улыбка профессора стала еще шире, – кстати, как вы себя чувствуете? Не беспокоит ли что?

Тактика сработала. С минуту помолчав и внимательно изучая лицо Семенихина – не врет ли? Сторож махнул рукой и выложил все на чистоту.

– Да тут и в прежние времена, когда ученики стадами по коридорам бегали, ночью дежурить было – так себе, мягко говоря. Каждое утро, как после простуды – голова кружится, спину ломит. А как институт закрыли, так хуже стало, иногда… даже, мерещится всякое. А как вы свои приборы понаставили, так вообще – еле ночь перенес. Голова, как чугунная, ни рук, ни ног не чувствую. И спать хочется, аж глаза закрываются, а лягу – так уснуть не могу. И с мыслями что-то странное… зацикливаюсь на всякой ерунде, даже пообедать забываю. Может это из-за ваших приборов все?

На этот раз Игорь замер с открытым ртом, собираясь возразить сторожу, что аппаратура в полном порядке и негативного воздействия на людей не оказывает, да и оказывать не чему, но посмотрев на профессора, решил в разговор не

вступать. А Михаил Александрович повел себя как-то уж очень неожиданно.

–Да-да, может быть, может быть, – согласился он с собеседником, – возможно тут все дело в приборах по изучению магнитных полей. Мы сегодня-же их отключим и отложим в сторону, так, что спите спокойно, более ничего вас не побеспокоит. И не забудьте пообедать, а кофе мы вам все-таки принесем!

Дружелюбная улыбка снова вернулась на лицо профессора, отчего просиял и сторож. Спина его снова выпрямилась, а в глазах появились озорные искорки джигита.

– Я за вами дверь закрою, мало-ли, у вас же оборудование осталось. А вы на обратном пути стучите, а ежели я не услышу, то там сразу за углом окно. Стучите в него, я услышу!

Входная дверь громко хлопнула под действием мощной пружины, Костик, у которого не хватило смекалки придержать ее, подпрыгнул от неожиданности и тихо чертыхнулся. Улицу заливали яркие солнечные лучи, норовившие угодить в глаза и добраться до самого мозга.

– И что у нас за приборы по изучению магнитных полей? – поинтересовался Антон у профессора, пока все стояли и привыкали заново к дневному свету.

– А это, Антоша, такой прибор, который людей успокаивает, а иначе от нервного гражданина толком ничего не добьешься, кроме ссоры!

Профессор не часто использовал уменьшительные имена,

обращаясь к собеседникам, но такое с ним случалось, когда в голову приходила важная мысль, которую нужно было безотлагательно понять и обдумать. И сейчас Михаил Александрович пытался вспомнить, где он мог слышать этот короткий музыкальный фрагмент, крутившийся утром в его голове, а по всей видимости, и в голове сторожа тоже.

Ребята знали, что в такие моменты Семенихина луче не отрывать от размышлений и терпеливо ждали, когда профессор даст отмашку идти обедать.

– Ну, чего смотрите?! Кто тут из нас студент? – заулыбался Михаил Александрович, увидев, как ребята терпеливо ждут, – ваши инстинкты должны чувствовать ближайшее кафе, так, что – показывайте дорогу!

Ближайшим кафе оказалась просторная забегаловка с надписью над входом «хижина рыбака», расположенная в паре кварталов от института. «Ничего-ничего, к лучшему», – подумал профессор, – «Днем нам в здании делать нечего, а отдохнуть от него совсем не помешает». Несмотря на намек в названии харчевни, из рыбы в меню оказались только креветки.

– Никудышный рыбак, – прокомментировал Антон, листая страницы.

– А ты попроси у них меню для евреев, – ухмыльнувшись, посоветовал Костя.

– Ну будет вам, будет! Чего расшумелись? Предлагаю заказать четыре порции жаркого с бараниной по-барски и щи

петровские, возражения есть?

Возражений не последовало и профессор, подозвав официанта, сделал заказ. Всю дорогу до кафе он хранил молчание, на вопросы отвечал однозначно. Было видно, что Семенихин покинул стены института, только институт его не покинул.

– Мы упускаем что-то важное, но я никак не могу понять – что?! –поделился он с командой своими мыслями.

Ребята сидели молча, рассматривая поцарапанный стол, возразить и предложить было нечего. Каждый понимал, что ночь прошла бестолково – результат был, но проку от этого результата не было никакого. Чего они, собственно, добились за ночь? Камера на третьем этаже засняла круглый объект в форме шара, у которого, предположительно, было лицо. И что с того?

Микрофон, установленный неподалеку от этой камеры, записал шумы, в которых, если очень постараться, можно было различить слово «тишь» – и опять-таки, что с того? Электронный термометр, установленный в левом крыле второго этажа, дважды за ночь зарегистрировал понижение температуры на двенадцать градусов по Цельсию, в стрелка большого морского компаса времен СССР – гордости Михаила Александровича – в тоже время начинала шалить.

Все это могло говорить о многом, и ни о чем. Да, эти факторы косвенно доказывали присутствие в здании потусторонней энергии, но перед командой охотников за призра-

ками стояла другая задача – им нужно было не просто доказать паранормальную активность в здании, но найти ее источник и обезвредить его. И к этой задаче за ночь охотники нисколько не приблизились.

Что делать дальше? – вот вопрос над которым размышлял Семенихин. Снять картины? – это можно, но что-то ему подсказывало, что все будет далеко не так просто, как кажется. На стенах присутствовал барельеф и лепнина – наследие дореволюционного режима, но кому в те времена принадлежало здание и под какие цели оно использовалось, это оставалось загадкой.

Кое-какую информацию из косвенных источников профессор все-таки обнаружил, по этой непроверенной информации в былые времена здание использовалось под частную школу искусств, но каких именно искусств и кто был владелец здания – этой информации в архивах не уцелело. Возможно, что-то обнаружится за аляповатыми барельефами здания, но, если дело дойдет до демонтажа стен – будет скандал, а скандалы Михаил Александрович не переносил категорически.

– Какие будут предложения? – спросил он, обращаясь к своим ребятам.

С тяжелым вздохом за всех ответил Антон.

– Да чего тут предлагать-то, работать нужно! Раз наблюдения не принесли результатов, значит хватит нам на свету отсиживаться, нужно по этажам ходить и осматривать все ви-

зуально, глядишь – обнаружим местоположение источника, хотя бы приблизительно.

И как не хотелось Михаилу Александровичу избежать всего этого, но возразить было нечего. Сидя на месте и глядя в мониторы, команда не разгадает загадку здания. И хоть сроки заранее оговорены не были, это не значит, что уже в конце недели Сергей Теймуразович не начнет теребить отдел образования в администрации города. «Значит придется рисковать», – с тоской подумал профессор.

Официант с двумя подносами, подошедший к столику, вывел команду из мрачных размышлений, помещение окутал аромат мяса и приправ. Впрочем, посмотрев на содержимое порций, Антон снова впал в тоску.

– Мясо по-барски, – передразнил он, покосившись в меню, – барин-то, похоже, отбивался как мог!

– А пока его раскулачивали, борщ остыл, – на этот раз от комментария не удержался даже профессор.

Когда команда профессора покидала «хижину рыбака», было уже шесть часов вечера. Обещанный сторожу кофе пришлось купить по пути в киоске. Все молчали, думая о предстоящем ночном патрулировании коридоров, в одном из которых камера зафиксировала круглый полупрозрачный шар со смазанными чертами лица, и вероятность такой встречи настроения не поднимала.

Стучать в окно не пришлось, не успел Антон отпустить кнопку звонка, как дверь уже открывал улыбающийся сто-

рож. Больным он больше не выглядел, вероятно старичку удалось отоспаться днем, «но на долго ли это»? – подумал профессор.

Поднявшись в свое временное жилище на втором этаже, Михаил Александрович снова разложил перед собой схемы и чертежи здания, и принялся водить по ним карандашом, бормоча под нос обрывки мыслей.

Его подопечные пошли проверять установленную аппаратуру и камеры видеонаблюдения. В общем-то, в работоспособности установленной аппаратуры можно было убедиться, просмотрев информацию с видеокамер, но Игорь – главный человек в команде по данным вопросам – предпочитал визуальную проверку, имея дело с паранормальным – будь готов ко всему!

Оставшись в тишине, Михаил Александрович ничего не добился подробным изучением схем. Если в здании имелись скрытые коридоры и комнаты, оказавшиеся замурованными после многочисленных перепланировок, на современном схем-плане их не отметили.

Погрузившись с головой в изучение схем, профессор поймал себя на том, что отбивает пальцами навязчивый мотив, подражая ночному сторожу. И в этот миг, подобно молнии, мозг пронзила отчаянная мысль. Вскочив на ноги, как ошпаренный, Михаил Александрович подбежал к столу. По дороге он налетел на стул и больно ударился коленом, но даже не заметил собственную хромоту. Все мысли профессора были

заняты догадкой, которая могла объяснить многое, если не все.

Семенихин не мог похвастаться знанием компьютерных технологий на уровне Игоря, но для своих лет вполне неплохо владел современной техникой. Найдя в архиве, продолжающем пополняться, нужный видеофайл, Михаил Александрович вывел его на экран ноутбука.

События ночного дежурства еще не стерлись из памяти, и он быстро нашел, что искал. Буквально из воздуха перед камерой появился круглый предмет в форме шара, и вздрогнув, замер над полом. Через минуту очертания круга стали более отчетливыми, и внутри него начали проступать черты лица, придавая форму человеческой карикатуры.

Стараясь не встречаться с плотоядным взглядом хищных глаз, которые, как казалось профессору, даже сейчас пристально наблюдают за ним и выжидают удобного момента, Михаил Александрович внимательно следил за траекторией движения непонятного предмета. Покачнувшись сверху-вниз, голова зависла, сделала движение из стороны в сторону, и снова покачнулась вниз-вверх.

Так – так-так-так-так – Так-так – простучал по столу Семенихин, вспоминая назойливую мелодию, не выходящую из головы – тот же ритм, который отбивал ночной сторож на широком армейском ремне. И в такт этой мелодии подпрыгивала в воздухе и раскачивалась из стороны в сторону уродливая пародия на лицо.

Понимание этого факта стало прорывом, претендующим на успех, только профессору никак не удавалось вспомнить, где он мог раньше слышать мелодию и незатейливый мотив. Дверь открылась, и вся команда ввалилась внутрь.

– Аппаратура проверена, все исправно, двери и окна запечатаны, посторонние на территории не замечены! – отрапортовал с порога Антон.

Семенихин посмотрел на часы, – начало девятого, – отметил он. – В нашем распоряжении еще час отдыха, а потом выдвигаемся! Игорь, Костя, сообразите чай с бутербродами? – ночь обещает быть длинной, перед выходом нужно перекусить.

Через десять минут комнату окутал аромат бергамота, клубящийся из четырех прозрачных чашек, а на столе появились две тарелки уродливых бутербродов, многие из которых толщиной превосходили ширину рта.

– Мы взяли с собой топор, или Хвостик так умудрился ножом нарезать? – полюбопытствовал Антон, вынимая из стопки самый пузатый бутерброд.

– Если хочешь потолстеть – жуй один и в темноте! – ответил Костя с набитым ртом.

Михаил Александрович не стал прерывать беззлобную перебранку – перед ночным дежурством только на пользу, подумал он. После ужина ребята проверили работу фонарей и раций. Сотовая связь в помещениях оставляла желать лучшего, и старые рации были куда надежнее сверхсовременных

смартфонов и прочих устройств.

– Работаем по парам, как вчера! – инструктировал команду профессор, – не спешим, внимательно смотрим под ноги и по сторонам, рацию в карман не прятать, пристегиваем на плечо. Каждая пара возьмет по магнитометру, – как называли в команде самодельные приспособления, сделанные Игорем, с помощью проволоки и компаса, – при сильном отклонении стрелки от нормы немедленно докладывайте мне! В каждом коридоре установлены термометры, нужно следить за понижением температуры. Со шпагами аккуратней, помните, что рядом напарник! Не покалечьте друг друга…

Шпагами или рапирами в команде шутя называли самодельные приспособления – длинные прямые палки, сделанные из полой стальной проволоки, с залитым внутрь серебряным стрежнем. Заканчивалась эта конструкция небольшим круглым набалдашником из меди.

Рапиры были целиком и полностью спроектированы профессором, проводившим массу времени за чтением тематической литературы. Не то, чтобы это было полноценным оружием против призраков и иных потусторонних проявлений, но однажды такое приспособление смогло отогнать бесплотного духа, досаждавшего команде во время предыдущего расследования, а раз так – значит лучше, чем ничего.

И снова Михаил Александрович ощутил острую потребность команды в новом оперативнике, одаренным навыками

чувствовать и видеть то, что не способен чувствовать и видеть обыкновенный человек, но где такого найти?!

В половине одиннадцатого, когда за окнами окончательно стемнело, команда охотников за призраками покинула свой временный штаб и спустилась на первый этаж, чтобы там разделиться и попарно обследовать здание целиком. Перед ними стояла простая задача – поднимаясь с первого этажа по обеим боковым лестницам, поочередно проверять каждый коридор.

По соображениям профессора, чтобы подняться с этажа на этаж и пройти свою половину коридора до места встречи, каждой паре должно понадобиться не более двадцати минут. Оставалось надеяться, что за это время с Игорем и Костей ничего не случится, а если что – есть рация, успокаивал себя Михаил Александрович, глядя, как ребята удаляются в другое крыло.

– Через пять минут встретимся с ними на втором этаже, – как будто прочитав его мысли, сказал Антон.

В углу первого этажа располагалась коморка ночного сторожа, из которой доносились звуки телевизионного фильма, но самого сторожа видно не было, и профессор с Антоном направились в свою часть коридора. Ближе к лестнице телевизор стих и долгое эхо вторило шагам. Михаил Александрович опустил руку в карман шерстяного жилета, старался не греметь огромной связкой ключей, Сергей Теймуразович клятвенно уверял, что двери большинства комнат и классов

никогда не запираются на ночь, но все же вручил профессору внушительную связку ключей.

Подъем на второй этаж и продвижение по знакомому коридору много времени не заняло, и вскоре они увидели вторую половину команды, остановившуюся возле комнаты с ноутбуками, – все в норме! – кивнул Игорь на вопросительный взгляд профессора.

– Ну что же, ну что же… – протянул Михаил Александрович, теребя свою бороду, – расходимся снова, и проверяем каждый класс по пути на третий этаж. Будьте внимательны! Бдительность не теряем, и постоянно держим друг друга в поле зрения!

Команда снова разделилась на две части и разошлась в противоположные стороны, исследуя каждое помещение, попадающееся на пути. Профессор шагал позади Антона, который, подходя к очередной двери, внимательно прислушивался, прежде чем резко распахнуть ее.

Позади слышались шаги и хлопанье дверей. По всей видимости, Игорь с Костей не спешили, и еще не успели отойти далеко. Пока все шло гладко, даже слишком гладко, – «как бы ребята не утратили концентрацию», – подумалось Михаилу Александровичу. И снова из раздумий его вывел монотонный голос Антона, задавший будничным голосом необычный вопрос.

– Интересно, они всегда так стоят? – Антон отодвинулся от двери, давая Семенихину возможность рассмотреть то,

что попалось ему на глаза.

Протиснувшись мимо него к учебному классу, профессор осторожно заглянул внутрь. В глаза бросилась пирамида из стульев, выстроившаяся непосредственно на учительском столе.

– Ученики баловались…, – протянул Антон с долей сомнения.

Семенихин в неуверенности покачал головой. Приступая к расследованию, команда охотников за паранормальным не стала проверять и заглядывать в каждый кабинет, ограничившись лишь теми комнатами, на которых сделал акцент директор колледжа, и теперь Михаил Александрович сожалел о такой поспешности.

Позади них послышался приглушенный женский смех, оборвавшийся прежде, чем Антон успел обернуться. – Вот и началось, – также буднично прокомментировал он.

Впрочем, пока ничего не начиналось. Внимательно обследовав снизу до верху учебный класс, профессор с Антоном не обнаружили совершенно ничего, что хоть как-то могло привлечь внимание. Класс состоял из одной комнаты, примыкающих кабинетов не нашлось.

Возле небольшого учительского стола пристроилась одинокая тумба с выдвижными ящиками, все остальное пространство находилось на виду. Ящики оказались не заперты, и при обследовании содержимого были найдены три шариковых авторучки, полупустой блокнот с темами занятий,

пестрый журнал трехмесячной давности, посвященный компьютерной тематике, и старый калькулятор на солнечных батареях, включить который не удалось.

Парты учеников выдвижных ящиков не имели, возле одного из двух окон, в коричневом глиняном горшке, стоял старый высохший фикус. Не найдя ничего интересного, Антон с профессором закрыли дверь, и двинулись дальше по коридору. Остальные учебные классы распахнулись без сюрпризов, в помещениях царили чистота и порядок, настенные и потолочные светильники функционировали исправно.

Вернувшись к лестнице, чтобы подняться на третий этаж, Антон обратил внимание на видеокамеру, установленную на треноге у дальней стены. Объектив камеры смотрел в потолок, но пол часа назад камера снимала часть коридора, Михаил Александрович видел изображение, поступающее на ноутбук.

И снова где-то в отдалении послышался приглушенный женский смех. На этот раз он не напоминал мелодичный голос молодой девушки, в смехе слышался предсмертный хрип. Звук доносился с верхнего лестничного пролета, куда уже начал подниматься Антон.

– Кто-то хочет поиграть с нами в прятки, – произнес профессор, догоняя напарника.

Несмотря на нарочито беззаботный тон, внутри Михаила Александровича кипели эмоции. Команда охотников за призраками существовала неполный год, и до этого момента ни

с чем серьезным сталкиваться не приходилось. Семенихин понимал, что рано или поздно такое столкновение неизбежно, но искренне надеялся, что до этого момента команда наберет опыт и профессионализм, как понимал и другое – разве можно набраться опыта в таких вопросах?

В области паранормального нет и не может быть теорем с доказательством, кроме единственной аксиомы – потусторонние силы существуют, и далеко не всегда их энергия несет добро. Кому-то нужно разбираться с этой проблемой, несмотря на весь сопутствующий риск. Нет ни учебников, ни энциклопедий, откуда можно получить ответ, все, что имеется – команды единомышленников, выдвигающие собственные теории, кто во что горазд.

Семенихин вздохнул и снова задумался о том, как сильно команде не хватает связующего звена между материальным и потусторонним мирами, в образе и подобии еще одного оперативника, наделенного навыками ясновидения, телепатии, или попросту шестым чувством, – «называйте как хотите, но извольте дать», – злобно подумал профессор, ни к кому конкретно не обращаясь.

Интермедия.

Исходя из опыта предыдущих расследований случаев проявления паранормальной активности, а также изучив массу научной литературы, в которой прямо или косвенно описаны контакты с потусторонними проявлениями, профессор попытался классифицировать призраков по степени опасности

– до описания иных материй, руки у профессора пока не дошли.

Из заметок профессора Семенихина:

Призрак первого класса – случайное проявление потусторонней энергии, не направленной ни на что конкретно, лишенной индивидуальных качеств и интеллекта. Материализация зависит от времени суток, а также от места или предмета, с которым его связывает предыдущее существование. После материализации приобретает слабо выраженные очертания, неподвижно зависает в пространстве. Не реагирует на присутствие людей и внешние раздражители. Для человека не опасен (условно).

Призрак второго класса – случайное проявление потусторонней энергии, не направленной ни на что конкретно, лишенной индивидуальных качеств. Материализация не зависит от времени суток, но всегда возникает в местах или вблизи предметов (артефактов), с которыми был тесно связан в предыдущем существовании. Имеет слабо выраженную форму и очертания, способен перемещаться на незначительные расстояния. В своих передвижениях ограничен радиусом артефакта, а также границей пространства, в котором материализовался – комнаты или дома. При контакте с человеком, последний испытывает легкий дискомфорт (возможно головокружение), предположительно не опасен.

Призрак третьего класса – слабоизученное проявление потусторонней энергии. Материализуется не зависимо от

времени суток, способен перемещаться на большие расстояния, передвигать предметы, вступать в визуальный и голосовой контакт с человеком. Призраки данного класса наделены интеллектом и характером, причины проявления не изучены. При контакте с человеком, последний может испытывать головные боли, зрительные галлюцинации, дезориентацию в пространстве. Призраки третьего класса способны наносить человеку физический вред в виде внезапного появления слабости, сонливости, обострение хронических заболеваний и депрессий. Уровень опасности низкий, но длительный контакт не желателен.

Призраки четвертого класса – редкое и опасное проявление потусторонней энергии. Проявляются вне зависимости от времени суток, при своей материализации данная субстанция способна принимать формы и очертания, которые – при зрительном контакте – сложно отличить от физических предметов. Призраки этого класса обладают собственным сознанием и интеллектом, способны мыслить, принимать решения, вступать в контакт с человеком. Обладают речевыми функциями и телекинетическими способностями. При контакте с человеком данная субстанция способна вызвать в последнем физиологические изменения жизненно важных органов, что, в свою очередь, может привести к фатальным последствиям. Призраки четвертого типа не всегда враждебно настроены к человеку, но контакт с ними крайне нежелателен. Степень опасности – высокая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.